

Людмила Колодяжная

**ПРОСТРАНСТВО,
КОТОРОГО НА СВЕТЕ НЕТ...**

Из стихотворений 2000–2009

ББК 84

М 82

М82 Колодяжная Л.И. «Пространство, которого на свете нет...». Стихи/ Авт. — сост. Л.М. Кузьминская — Рязань, «Литера М», 2010. — 236 с.

ISBN 978-5-98458-003-7

В книге **«Пространство, которого на свете нет...»** представлены стихотворения, написанные поэтом Людмилой Колодяжной в период 2000-2009 годов. Людмила — автор более 20 опубликованных книг стихотворений и многочисленных публикаций в различных журналах и альманахах, а также в сети Интернет. Член Союза Литераторов России, филолог — один из авторов и редакторов «Словаря языка русской поэзии XX века», руководитель Литературного объединения Центрального Дома ученых РАН. [Официальный сайт Людмилы Колодяжной «Я слово рисовала, словно вензель»: www.likolod-poet.ru](http://www.likolod-poet.ru)

ISBN 978-5-98458-003-7

© **Колодяжная Л.И., 2010**

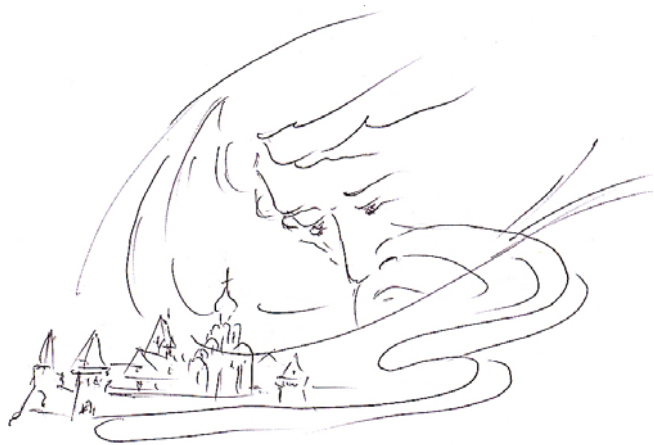
Стихи Людмилы Колодяжной — это таинство светлого слова, облеченное в ритмику сердца и души. От её стихов невозможно оторваться, они вовлекают в прекрасный мир высокой глубинной поэзии. Без ее стихов я не представляю себе современную поэзию, они необычайное явление в мире поэтических строк, они философичны и одновременно музыкальны, видимо, поэтому на ее стихи написано так много песен, это музыка, живущая одновременно внутри нас и вне нас, облагораживающая, окрыляющая, несущая в мир свет и мудрость.

Людмила Колодяжная является членом РОФ «СВЕТОЧ» и неоднократно публиковалась в коллективных сборниках проекта «Библиотека современной поэзии». Надеюсь, дорогой читатель, что ее книга займет достойное место в вашей поэтической библиотеке.

Лариса Кузьминская

Поэт, член Союза писателей России,
Президент Регионального общественного фонда
содействия развитию
современной поэзии «СВЕТОЧ»

Людмила Колодяжная

Вступление

*Слова бегут сбиваясь в стансы,
как бы Создателю в ответ.
Из них я строю то пространство,
Которого на свете нет.*

*В озера глаз твоих осенних
Впадает медленно река
Тех облаков, чьи отраженья
Застыли будто на века.*

*Пока над нами гибки своды,
И зыбки чаши на весах,
Моим глазам открыт свободно
Подводный мир в твоих глазах.*

*Я знаю, что ты тоже видишь,
Когда одни мы в тишине,
Как отражен грожащий Китеж,
Как будто бы ответ во мне.*

*Пока прочны строений сваи,
Я взглядом, может быть, скользя,
Найду вдруг то, чего словами
Земными выразить нельзя.*

Пространство, которого на свете нет...

*Ведь я творю при лунном свете,
Как бы Создателю в ответ —
Из снов, из слов, из междометий
Лишь то, чего на свете нет.*

Людмила Колодяжная

Прозрачность марта

Прозрачность марта уступает
задумчивости дымки вербной,
когда сквозь слово проступает
благословенье Вести первой,

из уст Архангела летящей,
разлитой по весенним веткам,
в строке Евангеля горячей
пред нами два тысячелетья,

чтоб мир, пронзенный гимном птичьим
и звуком ангельского пеня
вдруг осознал свое величье,
вняв тайне Боговоплощения,

вняв тайне высшего начала,
входящего в земные вещи,
летающего сквозь мир печалей
как Свет сквозь тьму летит —
Предвечный...

Людмила Колодяжная

в любой — весенней, зимней пустоте,
где в изначальной мира наготе
не виноваты мы, а только те,
которым враг в раю расставил сети.

Но как же быть нам —
жизнь пережидая?
Волны соленой — в ступе не толочь...
Пусть над страницей склонится
Музы дочь,
мои стихи к тебе — чуть-чуть листая...
Ведь тень мою —
ты не прогонишь прочь...

Пространство, которого на свете нет...

Час молитвы

Время рухнуло в рыхлый
Кресел прохладный шёлк.
С птицами — жизнь притихла,
час молитвы пришел.

В жизни меняется многое —
времени долг плен,
но неизменно-строго
вечность глядит со стен.

Коврик вечен истёртый —
молений бесчисленных след —
его положил пред киотом
предок, быть может, дед...

Память — не исчезает,
древняя тянется нить,
рука твоя твердо знает —
как крестом осенить.

Разрозненны, грешны, разны,
родства не помнящих, вех —
мы только молитвой связаны
единой, одной на всех.

Людмила Колодяжная

Также молился кто-то
тысячу лет назад,
так же летел с киота
прощающий Божий взгляд...

Пространство, которого на свете нет...

Неизвестному читателю

*«Неужели я настоящий и
действительно смерть придет?»*

Осип Мандельштам

«Но неужели я — настоящий...» —
помнишь старинный вопрос поэта?
Кони крылатые жизнь мою тащат
за горизонт, за границу света.

Да, когда-нибудь смерть приходит
по травам ночным, залитым росой,
ангелом белым к странице подходит
и слова срезает косою.

Слово, как птица, по свету странствует,
и для кого-то становится вестью,
витают в неведомом мне пространстве,
в доме того, кто мне неизвестен.

Там — небо иными звездами вышито,
чужие законы, другой порядок...
Но чтец неизвестный, порою ближе,
чем тот, кто со мною проходит рядом.

Людмила Колодяжная

Не знаю ни званья его, ни чина,
но через тьму душа его светит,
словно я его — приручила,
словно я за него в ответе.

Вот потому и не ставлю точку,
даже если мгла нависает,
может, эта последняя строчка
душу его от неверья спасает.

Строки — это ведь с жизнью узы,
в сети сплетенные... Тонким бреднем
из страницы выловит Муза
рыбку робкую слова последнего.

Пространство, которого на свете нет...

Жизнь, подсказанная Птицей

Божье Имя быстрой птицей
Надо мной прошелестело,
Обожгло крылом страницу,
В сень иконы возлетело.

Там — раскрытые лежали
На руках Того, Кто судит,
Те тяжелые скрижали,
Где написано — что будет.

Я от Аз до дальней Ижицы
Жизнь читала до рассвета,
Жизнь свою по этой книжице,
Путь, подаренный поэту,

А потом вплетала строки
В обожженные страницы —
Перевод судьбы, подстрочник,
Жизнь, подсказанную Птицей...

Людмила Колодяжная

Взойдет строки живой побег

Взойдет строки живой побег
из праха дней, из их разгрома,
она вратет теперь навек
в мою тетрадь и в стены дома,

когда бессонницы луча
кольнет полночная иголка,
я вспомню твоего плеча
тепло, чтоб плакать втихомолку.,

Ведь я готова за любой
чертою быть, стремясь к побегу,
на берег тот, что был тобой —
волной послушною у берега

счастливых наших дней реки —
другие там — на нас похожи —
*когда безвыходность тоски
с пустыней дней порою схожа...*

Пространство, которого на свете нет...

Как путь в холодном сентябре

Но слово, острое как нож,
когда-нибудь и ты вернешь,
его приму как лепту-плату,
чтоб на клочке моей земли,
которая еще вдали,
остался клин твоей заплаты.

Попал ты в сердце, а не в бровь,
и потому горит, как кровь,
мой горизонт, от горя жарок,
пустых речей не говори,
но на прощанье подари,
чтоб дни согреть — свечи огарок.

Слова, ненужные устам,
покорно примет плоть листа —
тетрадь в раскрытые ладони...
Как путь в холодном сентябре,
строка как будто в серебре,
в словах сверкающих потонет.
Пока исток не обмелел,
Слова, вбирая лунный мел,

Людмила Колодяжная

твои ладони выбирают,
чтоб ты, со мною заодно,
их отпускал через окно —
лететь, посланцами сгорая.

Чтоб слова лунная коса
разбила зовом небеса...

Пространство, которого на свете нет...

**Я к Рождеству улетаю
в Южную Орегону**

Первая робкая проба
зим, что идут на приступ,
снова предчувствие озноба,
глыба растет сугроба
в поле тетрадном чистом.

Кромки дорог горбаты
стали... Московский дворик,
тот, где шуршат лопаты,
ночь, как лохматый дворник.

Снежная манна даром
сыпется, зная к разлуке,
так холодны тротуары,
так горячи стали руки.

Вьюжные бабочки тают,
кто и куда их гонит?
Я к Рождеству улетаю
в Южную Орегону.

Там, где отмерено в милях
поле тетради, мне тесно...
И полетят на мобильник
зимние «эсемески».

Людмила Колодяжная

Перекличке нет конца

Ожерелья, крылья, трели —
перекличке нет конца.
Слух мой стынувший согрели
строки отрока-гонца.

Ключ, уключины, ключицы —
научи перебирать
смыслов мелкие частицы,
чтоб пробелы залатать

в той строке, что не прервется,
словно ниточка пути,
по которому придется
за тобою мне пройти.

Рокот, рок, укор... Короток
шаг до шелковой черты,
за которой каждый кроток
станет, каждый — я и ты.

Лал, ладони, даль и ладан —
всё, что смели обрести.
Путь строки, как рок, угадан —
надо до конца брести...

Зима в Орегоне

Людмила Колодяжная

Расставанье

*Здесь расставанье названо наукой...
ее мы знаем наизусть, затих
последний звук, насыщенный разлукой,
быть может, начиная новый стих,*

*в котором строк темнеющих морщины
избороздят белейшее чело
страницы, жгущей повода, причины,
словами удержать то, что ушло —*

*растворено в пустыне расставанья,
где только память сердца говорит,
как на огонь мы смотрим со вниманьем
туда, где наше прошлое горит.*

*Но мы о нем кому-нибудь расскажем
в тот час, когда поет веретено —
клубок метельный*

*в снежный кубок сложен,
как было кем-то сказано давно.
Свеча ночная эти строки скрепит
Слезами воска — верная печать...
Слова вернутся снова в детский лепет,
Чтоб из осколков чью-то жизнь создать.*

Пространство, которого на свете нет...

Здесь моя Америка

Прошумел меж пальцами
времени песок,
русской эмиграции
вырос островок.

Аю-раю-раюшки,
что осталось — петь...
Я живу на краешке
Света, чтоб успеть

вспомнить то, что пройдено
следом за судьбой.
Я живу без родины,
где была с тобой.

Северные штатики,
здесь порядок прост —
пятьдесят квадратиков,
мили вместо вёрст.

Здесь граница Дикого
Запада видна,
океана Тихого
вольная волна.

Людмила Колодяжная

Пред английской прозой
русский стих притих,
словно стал березою
среди сотен пихт.

Ломко кромка берега
вьется, жизнь деля...
Здесь моя Америка,
там твоя земля.

Кромка — тоньше волоса —
рвется, ну, и пусть...
На призывы голоса
твоего — вернусь.

Я покину краешек
Света, чтоб успеть
«Аю-раю-раюшки»
для тебя пропеть.

Пространство, которого на свете нет...

LIQUID SUNSHINE

(Дождь, рассеянный сквозь свет)

Дождик рассеян, как солнечный свет,
тот, что в твоём веселил меня взоре,
дождик, как будто совсем его нет —
небо всегда незаметно в просторе.

Так — незаметны слова вдалеке,
если ты их без меня произносишь,
слово плывет по воздушной реке,
словно в руке его к небу возносишь,

чтобы, приняв благодати святой,
слово светилось как чуда частица...
Слово, омытое чистой водой,
рвется к полету, становится птицей.

Чаша небесная — всюду одна,
если б до дна мы ее осушили,
даль горизонта, что с детства видна,
станет близка — мы ее приручили.

Людмила Колодяжная

Какие прекрасные лица

*«Какие прекрасные лица,
и как это было давно...»*

Георгий Иванов

Прошлых лет вспоминаю уроки,
снова чьи-то слова повторю —
Век Серебряный... И за строки —
я поэта благодарю.

Был он денди, галстук из шелка,
острословец, лик — херувим,
над бровями черная челка...
Стал певцом «Петербуржских зим».

Эмигрант, пережил он скольких...
Жизнь приснилась или была?
В нищете на больничной койке
умер. Спит в Женевьев-де-Буа.

Раб поэзии был он верный,
горькой правдой стихи полны,
и считался поэтом первым —
эмиграции первой волны.

Пространство, которого на свете нет...

Цвет эпохи тускл на страницах,
как солдатской шинели сукно...
Но какие прекрасные лица,
и как всё это — было давно...

Людмила Колодяжная

И эти шумящие сосны

Когда-нибудь станут несносны
для слуха земного для взгляда
и эти шумящие сосны,
встающие, как преграда,

на чем-то чужом побережье —
укором растут и корою
укрыты, как шелком, поспешно...
А я — каким шелком покрою,

каким — беззащитность страницы,
какою соленою влагой —
страницы, что вдруг распрямится,
раскинется белым флагом,

последней приметой сраженья,
зажженной над бедной судьбою,
когда признаешь поражение
и жизни сдаешься без боя...

Пространство, которого на свете нет...

Но я – страница, мне уже не больно

Быть может, замолчу, но не отчаюсь,
устам не чужды тишины черты,
я постепенно в книгу превращаюсь,
твоим ладоням тонкие листы

даря... Твоя закладка лентой
в той книге стынет на сюжете том,
где жизнь моя вросла в твою легенду –
так в старости вращает в землю дом,

в непрочный воздух так вращают почки,
напряжены, разбужены весной...
Ты для меня – земля, святыня, почва,
проталина в пустыне ледяной,

где ты, не ощутив метаморфозы,
моей страницы впитываешь тишь,
не замечая, что смертельной дозой
вниманья твоего – меня даришь,

но я – страница, и дрожу невольно,
когда твоя приближена ладонь,
но я – страница, мне уже не больно,
когда меня касается огонь...

Людмила Колодяжная

А твоя калиточка

А твоя калиточка
в Рай — росой залита,
путь строки — как ниточка,
веточка молитвы

привита на дереве
— скоро листья брызнут —
вот и нам доверена
ветка с древа жизни,

вот и нам отпущена
капля вечных соков,
лишь бы в райской куще той
древо не засохло.

Здесь — строка проложена
ниткой тоньше волоса,
там — она продолжена
чьим-то вечным голосом.

Жизни крона-сеточка
облаком венчается,
но молитвы веточка
в ней — твоя — качается...

Пространство, которого на свете нет...

И предвечный свет над свечным огрызком

Как земной с тобою начать разговор,
если до сих пор — нездешний не кончен.
У последней двери сорван затвор,
ветер, словно ключ к язычку колокольчика.

Потому — чуть меньше грызет тоска
в новой жизни, что — на мою похожа...
Как узнать мне — сколько осталось песка,
что бежит до часа последней дрожи,

пробуждая шорох пустых страниц,
где строка, как лезвие — тоньше волоса.
В каждом дереве прячется пенье птиц,
хор чужих голосов — твоего нет голоса...

Здесь вечерний туман надо мною сед,
но лучей сквозь него пробиваются брызги,
и в стихах — обрывки наших бесед,
и предвечный свет —

над свечным огрызком...

**Непрошено в комнату
входит весна**

Людмила Колодяжная

Непрошено в комнату входит весна

Непрошено в комнату входит весна,
внося переключку вернувшихся птиц,
из комнат уходит твоя тишина,
робеет душа и склоняется ниц.

Пусть голос забыт мой, но он не поник,
былинкой качнется на чьей-то тропе,
пробьется в строке, залетевшей
в дневник,
где я вспоминаю еще о тебе.

Сплетенье ветвей, как спасающий круг,
чтоб взгляд не тонул мой в твоих небесах,
весной — размывает смятение рук —
капели — еще ледяная роса.

Мелькнувшей строки остывающий след
проталиной станет на чьей-то тропе,
внимая весне, принимаю запрет,
ни слова не бросив в дневник о тебе.

Весны принимаю спасающий взгляд...
Но зреет мимозная сыпь в хрустале —
Дежурная дань, утешающий яд,
стрелюю луча в наступающей мгле...

Пространство, которого на свете нет...

Талых троп лабиринт

На призыв моих слов не молчи —
от весенней горячки-хворобы
пусть в очах твоих чахнут сугробы,
и растут Благой вестью лучи.

Ты слова не гони мои прочь,
пусть ладони к ладоням склонятся,
пусть сплетутся, чтоб вместе скитаться
в лабиринтах оставленных роц —

без тропы, наугад, поперек,
где стволы от прохлады устали,
где в глазах ледянистых проталин
отражается вечность как Бог.

Чтоб в просторах святой пустоты,
Там, где тени ничьи не ступали,
чтоб у нас на глазах проступали
нашей будущей жизни черты.

Ее образ над нами горит
На святом, но пустом еще месте,
где мы вместе скитаемся, вместе,
разгадав талых троп лабиринт...

Людмила Колодяжная

Пред иконой святого Александра Невского

До какой восходить нам черты? —
кто предскажет, какая Кассандра...
Но в тебе проступают черты
князя, Невского Александра...

Пред иконой стою вновь и вновь,
сквозь века повторяется сходство,
пробивается древняя кровь —
кровь святых...

Признаю превосходство.

Предуказан тебе, в высь — крутой
путь смирения, трудный, как подвиг,
в непрестанной молитве святой
ты стоишь, забывая про отдых.

Я склонюсь пред тобой, Ангел-князь,
Ангел-воин в невидимой битве...
Тонких линий иконная вязь —
непрестанною льется молитвой.

Пространство, которого на свете нет...

В великой тишине – Великий пост

Вновь — пенье птиц и входит в дом весна
в те комнаты, что синевой одеты,
и зимняя уходит тишина,
как песня, что осталась недопетой.

Любая фраза виснет, как вопрос,
тот, на который не даешь ответа...
В великой тишине – Великий пост
растет свечой, негаснущей от ветра.

Я мою окна, жду пасхальных дней,
Лучи сжигают серую невзрачность
сугробов, и становится видней
весны первоначальная прозрачность,

которая укроется листвой,
припудрится горячей летней пылью —
она заглушит прежний голос твой
войдя пробелом в наши сны и были...

Людмила Колодяжная

Воду Превращающий в вино

Воду Превращающий в вино —
преврати мои молитвы в слезы,
чтобы я склонилась, как береза,
перед Тобой, как прежде, как давно.

Ведь склоненье — это знак любви,
без которой жизнь одна морока...
Пастырь, обитающий высоко,
Голосом высоким позови.

Выпрямляющий мои пути —
Ты, меня склонивший над страницей,
разреши мне пред Тобой склониться,
и молитвы в слезы преврати.

Возврати любви — склоненья знак,
без любви не жизнь, одна морока...
Пастырь, обитающий высоко,
Возвративший влаге вкус вина.

Пространство, которого на свете нет...

К Благовещению

Лучей летучие спицы
нанижут дрожанье капли
в последний день первой седмицы,
в день северного апреля,

когда календарный квадратик,
недаром, сияньем отмечен,
день этот — не числам кратен,
а дальним пределам вечности.

И в каждом доме, где верят,
в последний день первой недели
распахнуты окна и двери —
для шелеста крыльев апреля,

когда приглушаются звуки
другие, иные напевы...
В день этот сложены руки
с молитвою перед Девой...

Людмила Колодяжная

Мы в Рай идем всегда по одному

Ко мне ты не воротишься, ну, что ж —
дом одиночеством,
как выстрелом, разбужен,
пусть голос двери перейдет на дрожь,
круг жизни — до страницы поля сужен.

Над этим полем льется тишина —
она у нас еще зовется Богом —
здесь тает снег, здесь царствует весна,
растет строка, как новая дорога.

Разрежен воздух — все же можно жить,
из слов — нелепых всё же — лепишь фразы,
и продолжаешь белый свет любить,
и этой жизнью — Богу ты обязан.

Слова в тетрадь роняешь не спеша,
они растут, как зёрна откровений,
кому-то снова говорит душа —
как хорошо, что в жизни — перемены.

Апрель неверный. Вербы первой дрожь,
весенний сок, березы ствол надпилен...
Ко мне ты не воротишься, ну что ж —
но до небес круг бытия расширен.

Пространство, которого на свете нет...

Вновь разгоняешь над страницей тьму,
и смерти говоришь: «Твое — где жало?» —
Мы в Рай идем всегда по одному,
какая б нас рука не провожала.

Людмила Колодяжная

Из жизни русских писателей в Париже

*«Мережковские вели размеренную
по часам жизнь.*

*Зинаида Николаевна вставала поздно...
Мережковский ложился рано,
вставал рано и работал все утро...»*

И. Одоевцева. На берегах Сены

До полуночи за столом —
стихи, статьи, дневник, иль письма...
и засыпала лишь потом —
но и во снах бежали мысли.

А Дмитрий в это время спал
уже — в соседнем кабинете...
Писатель русский, он вставал,
чтобы работать — на рассвете.

Встречались к завтраку они —
ликер, чай-кофе, сигарета.
Так чередой шли дни и дни,
дух постоянства был, как кредо.

Прогулка — шли ладонь в ладонь,
она и в шляпе, и в монокле...
И непременно чрез Булонь
в любой день —
солнечный иль блёклый.

Пространство, которого на свете нет...

В неделю раз — гостей толпа,
как петербургских сборищ эхо.
Она и он, как два столпа
времен Серебряного века...

Зеленой лампы яркий свет,
беседы, новые таланты,
Париж, гостиная и цвет
плеяды русских эмигрантов.
...

Она его пережила
почти на два пустынных года.
Но до конца — дневник вела,
до часа смертного ухода...

Людмила Колодяжная

Ленивое пенье шин в отдаленье

Ленивое пенье шин в отдаленье...
Четыре. В час этот и мне не спится.
Слабый свет от звездных скоплений
проявляет слова на моей странице.

Неясны новых слов негативы —
как закрепить их
    рассветным раствором?
Может быть, Бог внесет коррективы
в эти — ночные с Ним разговоры?

Беседовать с Ним,
    не постигнув облика? —
В каждом из нас — Его отраженье...
Может быть, Он из ночного облака
тоже внимает шуршанью и пенью?

Все же, молитвы к Нему — излечат,
все же — Он правит моей судьбою,
все же — с Ним разговаривать легче,
чем когда-то давно с тобою.

Ленивое пенье шин в отдаленье,
тает ночь, вот — очнутся птицы,
слабый свет от звездных скоплений
проявляет слова на моей странице...

Пространство, которого на свете нет...

К Страстной неделе

Пушистая вербная веточка
брошена брешью-границей
на календарную сеточку —
перед Страстной седмицей.

Склоняется Магдалиною
душа в покаянии страстном,
молитвы бегут лавиною,
как миро из алавастра.

На леонардовой Трапезе
вечные краски не сохнут,
звезды — свидетели праздные,
плачут лучами на окнах.

На Вечери Тайной, где сужен
учеников круг верный,
земной завершается ужин —
небесным причастием первым.

Еще вспоминается чудо —
на брачном пиршестве в Кане...
Но держит уже Иуда
в душе — предательства камень.

Людмила Колодяжная

И льется молитвы дорога,
к Масличной ведущая чаще,
где Сын вечный — просит у Бога
о том, чтобы минула чаша.

На календарную сеточку,
перед Страстной седмицей,
пушистая вербная веточка
брошена брешью-границей...

Пространство, которого на свете нет...

Нас песнь Давидова влекла

*«И если бы земля могла,
она бы Пасху проспала
под чтение Псалтыри...»*

Борис Пастернак

Нас песнь Давидова влекла,
Единственная в мире,
И близилась ночная мгла,
Но из лампадного угла
Полоска света пролегла,
И абрис вечного крыла
Качнулся над Псалтырью.

Краюха райского тепла
Обломком лунным светит
Над той рекою, где ветла
Ветвями клонится, светла,
В потоки первого псалма
Сквозь три тысячелетья.

И ветер бьет в колокола,
Звук — тишины предтеча
Вольется в сердце, как игла,
Лишая дара речи.

Людмила Колодяжная

И ветер, тишины лишен,
Перебирает чётки
Дрожащих почек... Льется звон
В церковные решетки.

И гулом вечности объят
Свод, завершённый строго
Крылами ангелов, чей ряд
Оплакивает Бога.

Толпа молящихся стоит
И долгой вереницей
Сквозь дым кадил и плач молитв
Подходит к Плащанице.

И от рассвета до зари
Природа плачет вдалеке —
Залиты грустью пустыри,
Читается Апостол...

Вослед за звуком — Тишина
Приходит в час весенний...
Смерть Тишиной побеждена
В Святое Воскресенье...

Пространство, которого на свете нет...

Любая ткань натянута непрочно

Любая ткань натянута непрочно,
кроме холста небесного в окне,
когда он стынет чистой звездной ночью,
служа частицей утешенья мне,

когда часы медлительны разлуки,
когда ключа случайный поворот
прозрачные напоминает звуки,
и кажется, что тень твоя войдет

и подойдет, как прежде, молчаливо
к затянутому тишиной окну,
потом вернется, чтобы в миг счастливый
соединились тени две — в одну,

потом пройдет сквозь замкнутые двери,
вручая дом рассветной пустоте,
мне не сказав: зачем же Бог доверил
любовь теням ночным и темноте,

зачем любовь — заре сестра чужая,
зачем венчает тени только ночь,
земной обряд как таинство свершая?
Пусть, тень твоя всегда уходит прочь,

Людмила Колодяжная

но сон любви всегда превыше яви,
и сколько б ни минуло лет и дней
игра любви всегда идет без правил
в квадратах, созданных игрой огней...

Пространство, которого на свете нет...

Душа моя – Твой лепесток

Страница – белый лепесток
цветка Единой Книги,
строки случайный завиток
хранишь ты, как вериги.

бумажная прозрачна плоть,
но не страшна ей тяжесть.
Так отчего душа, Господь,
слабей, чем лист бумажный?

Ее Ты клонишь как ветлу
над той речной излучкой,
где дух трепещет на ветру,
рожденном Святым Духом.

Душа моя – Твой лепесток,
Господь, – впечатан в глину
моей судьбы той горсткой строк –
из книги книг единой.

Людмила Колодяжная

Там Царь и Суламифь

Какою былью превзойти
то, что сулит нам миф?
Запретны древние пути —
там Царь и Суламифь.

Сердец горящие угли,
огонь бежит в крови
там, где они изнемогли
от зноя и любви,

там где ночная тишина
Царю открыла дверь,
оде слаще мирра и вина
Ерусалима дочь.

Запретно все, что было встарь
Там — от любви смугла
Пастушка спит и рядом Царь,
и мглы ночной крыла...

Пространство, которого на свете нет...

Идем мы – на Вечный зов

Как на ладони — вся жизнь на виду,
путь ясен — как дважды два.
На Запад Солнца с тобой пройду
я, может быть — поприща два.

И я не замечу в твоих глазах
соринки, они чисты —
ведь были омыты в моих слезах,
когда мы сжигали мосты.

Брат мой, нет нам пути назад,
потерян прежний покой,
лишь потому, что до райских врат
осталось — подать рукой.

Только прошу тебя, не спеши,
пусть будет далек горизонт...
Свете Тихий моей души,
Идем мы — на Вечный зов...

Людмила Колодяжная

**Молитвою к Тебе –
оправдан этот день**

Прозрачен как лоза
строфы моей виток,
чтоб ангела слеза
дала строке исток.

Как волны на песке,
день ми'нувший затих,
к единственной строке
прибит волною стих,

чтоб облаком взойти,
далеким как мираж,
чтобы произнести
в молитве — «Отче наш...».

По жизненной тропе
то свет легит, то тень,
молитвою к Тебе —
оправдан этот день...

Пространство, которого на свете нет...

**«Пусть цвет небес вберет река,
что жизнью на земле зовется»**

Иных времен вплетен язык
в ночное русло старой песни,
пусть станет незаметен стык
там, где подкова гнется перстнем,

лучом пригвождена к вратам,
что далеки от двери дома...
Простим наветчикам, врагам,
подняв дорожный груз котомок.

Пусть цвет небес вберет река,
что жизнью на земле зовется,
в путь нас проводят облака,
звезда, что светит нам в колодце.

Она не гаснет даже днем,
и мы идем на свет влекущий,
спасаясь медленным огнем,
для нас из глубины идущим.

Что нам — земная клевета? —
она спадает шелухою,
сжигает злую речь звезда,
пробив Рождественскую хвою.

Людмила Колодяжная

К полуночи — дом дальний чист,
там на дверях подкова стынет...
Старинной песни путь кремнист,
и внемлет Божеству — пустыня.

Давно потерян посошок

Людмила Колодяжная

Давно потерян посошок

Давно потерян посошок,
мы от пути с тобой устали,
и стали недоступны дали,
как Бог, от тьмы свет отделяя,
как Бог скажи мне — хорошо!

Дороги дрогнули — пути,
меня мой ангел сторонится,
и значит снова мне склониться
над Книгой книг, но до страницы
мне дальше первой — не пойти.

Того что было не стереть,
но подари глоток свободы,
и пусть над нами дрогнут своды,
пусть в океаны хлынут воды,
и оживет земная твердь.

Раскинь простор из серебра,
лишь словом тьму отодвигая,
твори, твори, не уставая,
как будто снова создавая
меня из своего ребра...

Пространство, которого на свете нет...

Тобою созданный оазис

Всегда и прежде, присно, ныне
я не ищу с тобою встреч,
но комнаты моей пустыню
одной так трудно пересечь.

До горизонта — пусто, голо,
кругом лишь ангелов следы,
жару лишь твой сменяет холод,
и нет глотка живой воды.

Но в глиняной темнеет вазе
тобой оставленный цветок,
тобою созданный оазис
и жизни будущей исток.

Над ним бежит холодный воздух,
и здесь не верится беде,
здесь — передышка, краткий отдых
переддорогою — к тебе...

Людмила Колодяжная

Беги строка туда...

Беги строка туда, где дней итог
в грядущие вращает времена,
где вечной формулой, я верю, Бог
уже скрепляет наши имена —

лучом ее он чертит на песке,
строку скрепляет горькая вода,
вот потому рука моя в руке
твоей, как в колыбели — навсегда.

За знаком равенства другой предел,
где помним мы —
крепка любовь как смерть,
в руке Творца еще крошится мед,
но все удержит грифельная твердь,

ведь ей знаком любой земной язык,
и тот которым вечность говорит,
еще к нему наш голос не привык,
но звук его уже в крови горит...

Пространство, которого на свете нет...

Об этом пишутся тома

Об этом пишутся тома —
о тайных прихотях природы...
В окно глядят на нас дома,
а мы плывем по переходам
небесным, в миг сойдя с ума,

как луч, что мечется за шторой,
как речи в неурочный час,
как птицы в поисках простора,
как стрелки, друг за другом мчась.

Как дети Ветхого Завета,
мы эту роль должны сыграть
лишь с благодарностью ответа,
но до конца — теряя силы,
чтоб знать, что это было, было,
чтоб после жизни — вспоминать

с той достоверностью, как плыл
и надо мной и над тобою
тот луч, подаренный судьбою,
что ранний свет над нами свил...

Людмила Колодяжная

С тобой — молчу, лечу, горю,
вознесена тем ураганом
движений, может быть, неожиданных
среди невзгоды постоянной,
но я за это не корю
тебя, а лишь — благодарю...

Пространство, которого на свете нет...

Короб лучевой

Твой голос вился бечевой,
вослед, теряя силы,
я словно в короб лучевой
в твой вечный дом входила...

Не знаю что меня влекло
в ту крошечную залу —
пространство было так мало,
что время исчезало,

что в этой комнате простой,
где затерялся вечер,
в углах, везде, за пустотой
вдруг проступала вечность.

Я сразу попадала в плен
другой судьбы запретной —
она росла из крепких стен,
из черт и лиц портретных,

она лучилась из икон,
из их суровой вязи,
как будто наших — тех времен
не распадалась связи,

Людмила Колодяжная

там стрелки медленно назад
часы и дни вращали,
и нас в адово-древний Сад,
в день первый возвращали,

и там, среди ветвей живых,
тебе и мне казалось,
что жизни шум еще не стих,
что жизнь — лишь начиналась...

Пространство, которого на свете нет...

Окружи молитвой-тишиною

Окружи молитвой-тишиною,
чтобы время замедляло бег,
чтобы я могла, подобно Ною,
в бедном доме выстроить Ковчег,

Окружи меня молитвой, чтобы
по тропе бежала я на склон,
чтобы с высоты услышать шепот
риз резных, спадающих с икон.

Для молитвы нужно слов так мало,
речи медленной прозрачна ткань,
словно вовсе не существовала
между небом и землею грань.

Окружи меня той тканью млечной,
той несбыточной моей мечтой,
чтобы вместо речи человеческой
я твой шепот слышала святой.

Окружи меня молитвой, чтобы
речи те, что были далеки,
стали близки, словно тихий шепот
вечности — вдоль времени-реки.

Людмила Колодяжная

Чтобы слово падало на губы
и слетало, словно лепесток,
с высоты, где ангельские трубы
песни каждой создают исток...

Пространство, которого на свете нет...

Был – край земли, иль жизни край

Казалось мы идем ко дну —
волной, изгибом белым...
и кроме Бога — никому
еще до нас нет дела.

Был — край земли, иль жизни край?
и нет ему названья...
Но нас уже сжигал тот рай
и тот огонь незнанья.

Был это шепот, или крик,
дар речи? — мы не знали,
ручные звери наш язык
без слов воспринимали.

Но облетал притихший сад,
как будто бы и не был,
как будто не было преград
между землей и небом,

и в звездную летела тьму,
вся в лепестках дорога —
там мы, не нужны никому,
кроме себя и Бога...

Людмила Колодяжная

Хорошо, что тропа – коротка

Здесь украшена комната вазою,
словно фразы, в ней вьются цветы,
разве то, что здесь жизнью названо,
вдруг исчезнет у дальней черты?

Распадется хрусталь на осколки,
кроме нас — кто сумеет собрать?
Смертной хвои коротки иголки,
но по ним слишком больно ступать.

На страницы рассыпятся книги —
не успели мы их прочитать,
строк старинных витые вериги
нам сумели судьбу нагадать.

Эта комната вазой украшена,
лепестков опадает приборой,
кем же жизнь моя будет погашена,
жизнь, зажжённая только тобой?

Нас дарили небесною манной,
и казалось, что так — на века...
Впереди кроткий путь Гефсимана,
хорошо, что тропа — коротка...

Пространство, которого на свете нет...

Не единым живы хлебом

Просыпаться на рассвете,
в час, когда приходит весть
с птичьим пеньем — что на свете
ангел мой далекий есть.

Где-то там, в стране далекой,
к стенам льнет иная тишь,
и рассвет плывет сквозь окна —
это ты ко мне летишь.

Пусть судьбы рисунок сложен,
неразборчив в тишине,
ангел, тишиной встревожен,
вспоминает обо мне.

Не единым живы хлебом,
На земле разлучены,
наши узы зыбким небом
в этой жизни сплетены.

Облака висят полого
над тобой и надо мной...
Знаю, что в пространстве Бога
на равнине мы одной...

Людмила Колодяжная

Коломенское

Как хорошо, что куда-нибудь
можно бежать, торопиться,
пусть по землей, где проложен путь
в Коломенское, в Царицыно...

Как хорошо, что можно, спеша,
вдруг раствориться бесследно...
Так всегда убегает душа
в высь — по орфееву следу.

Как хорошо, что есть крутизна
оврагов, холмов безлюдных,
где отрезает нас тишина
от непроглядных будней.

Как хорошо, что шаги легки,
сброшено жизни бремя,
и с высоты все изгибы реки
видны — текущей, как время.

Там — так медленно наплывал
воздух медовой отравой,
там — ты медленно перечислял
названья июльским травам.

Пространство, которого на свете нет...

Долго будет шелест-прибой
в памяти петь, кружиться —
мальва, пустырник и зверобой,
мята, полынь, медуница...

Как хорошо, что когда-нибудь
можно, печаль развеяв,
словно душа, устремляться в путь
ввысь, по следу орфееву.

Людмила Колодяжная

Скоро будет «Петр и Павел»

«Савл, Савл, что ты Меня гонишь...»

Деяния апостолов

Ливня благо, льется влага,
нитка дождевая рвется.
Ты мне скажешь — скоро август,
видишь, он сквозь дождь крадется...

Снова слушать неба всхлипы,
плачи из глубин растущие,
дождь идет, срывая с липы
куполки ее цветущие.

Скоро будет «Петр и Павел» —
скатерть раскатаем по столу...
Ты мне скажешь — день убавил
нам один из двух апостолов.

Пусть евангельская пряжа
волнами спадает плавно,
притча медленно расскажет —
превращенье Савла в Павла...

Ты мне скажешь — нам в дорогу,
в долгий путь, где август зреет,
там, как Павел, встретим Бога,
пусть ослепнем, но — прозреем.

Пространство, которого на свете нет...

Гибельное благо

Природа как зверек домашний —
от ласки никуда не деться,
но одиночеством всегдашним
она полна, как жизнь, как сердце

в тот час, когда мы осторожно
бродили по пустынным тропкам,
к нам льнули травы придорожные,
застенчиво, как дети, робко.

Мы шли, уже покинув стены,
где счастье только обещалось
в полдневный час, где неизменно
разлукой — встреча завершалась.

Как птицы, вырвавшись из клетки,
мы линией полета ткали
натянутые нити сети
лучей, что к ночи исчезали.

Мы шли, забыв себя вчерашних,
почти друг к другу безразличны,
шли — каждый в свой приют
домашний,
постылый но навек привычный.

Людмила Колодяжная

Мы шли, прислушиваясь к шагу,
почти глухому в бездорожье,
шли зная — гибельное благо
нам на земле всего дороже.

Пространство, которого на свете нет...

Первая Книга Царств

*«Давид был призван во дворец,
и когда он приходил
и играл на гуслях,
тогда Саулу становилось
отраднее и лучше,
и злой дух отступал от него».*

Первая Книга Царств

Не надо других лекарств —
песни святая водица —
Первая Книга Царств,
тысячная страница.

О том, что свершалось встарь,
строки с Небес сходили —
«Разве Саул, наш царь,
пророк?» — там говорили...

Отрок-Давид подул
в свирель... И развеселился,
от зла отошел Саул —
отроком царь пленился.

Там играет Давид —
на гуслях, свирели, лире...
Саул не помнит обид,
волны веселья в мире.

Людмила Колодяжная

И высыхает исток
варварства и коварства,
музыки крепнет росток —
Древом Первого Царства.

И уходит печаль
из Саулова сердца —
в тысячелетнюю даль
музыки псалмопевца.

Не надо других лекарств —
из слов вырастает кладка
строк Первой Книги Царств...
Голоса вьется закладка.

Пространство, которого на свете нет...

Заблудившийся трамвай

Твой заблудившийся трамвай
не числится в московских рейсах,
но ты мне шепчешь: «Не срывай
цветов, пока идешь по рельсам,

запутавшимся в тишине —
пути кончаются обрывом —
покуда ты идешь ко мне,
пусть длится жизни тот отрывок,

написанный твоей рукой
когда-то мне — неровен почерк —
пока стоишь ты над рекой,
о, пусть она сверкнет, как прочерк,

пока стоишь на крутизне,
паломница воздушных рейсов,
покуда ты идешь ко мне
по травам, спутанным, как рельсы».

Ты шепчешь мне: «Не забывай,
тебя по свету ангел водит...
Мой Заблудившийся трамвай
тебя из тупиков выводит».

Людмила Колодяжная

Любовь не входит в биографию

«Любовь не входит в биографию...»

М. Цветаева

Любовь не входит в биографию...

Об этом

я узнаю в конце концов, к излету дней,
и к этой тайне тянутся поэты,
но суть любви не кажется — ясней.

Любовь и жизнь даны, как параллели,
быть может, в вечности,

они должны сойтись,

а ты идешь по ниточке, жалея,
что жизнь —

лишь зеркало любви — глядись,

ищи любовь в далеком зазеркалье,
войдя однажды в хрупкое стекло —
что там блестит в тумане — не река ли,
вобравшая в себя то, что прошло?

Твоя любовь не входит в биографию,
иди по тонкой ниточке, держись...

По воле чьей — идешь походкой рабьей,
не смея пересечь любовью — жизнь?

Пространство, которого на свете нет...

Август

«Как обещало, не обманывая...»

Борис Пастернак

Рассветной далью без названия —
окно горит открытой раной,
лучи, целящие, незванные,
вступают с болью в бой неравный.

Я вглядываюсь в дни умершие
и вижу, что устроен просто
сей мир... И жизнь, как землемерша,
отмеривает даль — по росту.

Я выйду на веранду мокрую,
пройду по травам, сбритым колко —
спадает лист, покрытый охрою,
но сосен — держатся иголки.

Листвы предсмертное брожение,
как эхо прежних разговоров.
Я знаю, День Преображения
уж близок, он настанет скоро.

И кажется, порою раннею
прервется жизнь на полуслове,
оденет каждого сияние —
там, на невидимом Фаворе.

Людмила Колодяжная

Кипарисовый ларец

«Кипарисовый ларец»

И. Анненский

Пусть льются слова-капризы,
пусть каждое слово канет
в глубины ларца-кипариса,
как драгоценный камень.

Не знаю, как строки сладят
с разбросанными листами...
Жизнь ранняя — вышита гладью,
а позже — пестрит крестами.

Пусть слов браслеты-оковы
свиваются в узкие звенья,
став гребнем волны дневниковой,
что названа песнопеньем.

О, пусть эти волны плещут,
слова, словно души бродят
над каждой мелочью-вещью,
что вместе с жизнью — уходят...

Пространство, которого на свете нет...

К Успению Богородицы

Небо медленно сеет осеннюю влагу,
ты ее не стирай —
        пусть скользит по лицу,
словно слезы о том,
        что сей царственный Август,
Богородицын месяц,
        вновь подходит к концу.

Над землей встало облако —
                                в оцепененье,
и упала от облака млечная тень,
Богородицын сон называют — Успенем,
Богородицын час, Богородицын день.

Невидимо апостолы встретятся вместе,
как толпа облаков, что ликуют вдали,
и об этом потянутся первые вести
во пределы Вселенной,
        за пределы Земли.

И готовы к полету все слова
                                в даль страницы,
чтобы этого дня обозначить черты,
и над озером кружатся вести, как птицы,
задевая крылами сталь остывшей воды.

Людмила Колодяжная

Вести тянутся за — горизонт,
к мелколесью,
скорлупа позолоты осыпается с крон...
Это — день тишины.
Это — час равновесья,
Богородицын час, Богородицын сон...

Под сенью плачущего небосвода

Пространство, которого на свете нет...

Одиночество – это...

Как запретное, прошептать
все тебе — о тебе стихи...
Одиночество — это тать,
и шаги его так тихи.

И тебе — не успеть пропеть
песни все обо мне, певец.
Одиночество — это плеть,
от нее на сердце рубец.

Мы шагами не сможем свить
долгий путь —
от крыльца до крыльца.
Одиночество — это нить,
у которой не будет конца.

С рельс серебряных надо сойти —
заросла словами строка —
до конца ее не пройти,
обжигает трава высока.

Мне тебя не сумею вернуть,
даже сделав ответный ход,
одиночество — тоже путь —
как в родную страну исход.

Людмила Колодяжная

Одиночество — это плот,
на котором плывешь один,
пока выступит смертный пот,
когда только Бог — господин.

Впереди — «не промер, а провал»,
неземная в нем тишина...
Одиночество — это вал,
жизнь смывающий, это — волна..

Пространство, которого на свете нет...

За горизонт зайдя, никто не обернется

Времен сдувая пыль,
        как узелок связать
на памятном платке,
        где он клубком свернется?
О данном здесь пути — там —
        не дано сказать,
за горизонт зайдя,
        никто не обернется.

Мы — караваны птиц,
        как бремя, наш полет,
Вожатый невидим,
        наш проводник суровый,
но Облака крыло,
        спасая нас, плывет,
то станет тишиной,
        то обернется словом.

Меж небом и землей
        для нас прозрачна грань,
мы праведны в душе,
        а в плоти беззаконны,
но голос, словно весть,
        однажды скажет: Встань —
и полетишь за ним,
        за веточкой зеленой.

Людмила Колодяжная

Разрозненны листы,
их ветер не скрепит,
развязан узелок, затянутый заранее,
но птичье перо не устает, скрипит
и в поздний грешный час,
и в час невинно-ранний.

Какая власть дана, тому,
кто смел позвать...
Мы птицы, мы летим,
покуда голос вьется.
О данном здесь пути — там —
не дано сказать,
за горизонт зайдя,
никто не обернется.

Пространство, которого на свете нет...

Слетевший лист

Из глины древней не слепить
нам нового напева,
слетевший лист — не прикрепить
на ветке жизни древа.

Пусть рядом древо зла-добра
корит нас кроной ветхой —
но снега ждут, как серебра,
к зиме готовясь, ветки.

Пусть песнь сегодня не скрою
тебе — о Птице Синей...
Здесь, на земле, мы как в раю,
одни в просторе зимнем.

Пусть снег густой летит к устам,
мы на тропе раскрошим
ледок... Дней зимних пустота
нам в этот час дороже.

Пусть на тропе снежок скрипит
подобием напева,
но лист слетевший прикрепит
дыханье наше — к древу.

Людмила Колодяжная

В час ночной, когда возлетают души

В час ночной, когда возлетают души,
когда мы далеки от земного дела,
в этот дом войди, чтобы вьюгу слушать,
в запредельный час,
в тот метельно-белый.

Пусть стоит икона вблизи изголовья,
снова в Божьи глаза
осторожно взглянем,
будем медлить голосом в каждом слове
той молитвы, что вслух
мы с тобой читаем.

И мы Ангелу всё о себе расскажем,
он узнает о днях счастливых и тайных,
он из наших слов свой рисунок свяжет,
станет явным то, что было случайным.

Мы все наши грехи ему перечислим,
потрясенные тайной Божья вниманья,
и он взглядом наши души очистит
в этот час — последнего покаянья.

Людмила Колодяжная

О, не срывайте абажура

*«Никогда. Никогда не сдергивайте
абажур с лампы!
Абажур священен.»*

Михаил Булгаков

Пишу, черновиков не рву,
здесь, в комнате чуть освещенной,
под лампой, что всегда священна,
с которой шали не сорву.

Слова бессмертные бегут,
неярок свет, но можно греться
над книгой, что храню я с детства,
как дар последний берегу.

Пройдут за книгою года...
Читаю, чуть глаза прищуря,
о, не срывайте абажура,
какая б не пришла беда.

Читайте, ждите, стук простой —
уводит смерть в дверную рампу,
но пусть горит бессмертно лампа
всегда, в обители пустой.

Пространство, которого на свете нет...

Старинный снится мне портрет

Старинный снится мне портрет,
теряю речи дар и слова,
переходя на лепет-бред,
что был ушедшим дням основой.

Что в даль уводит по лугам,
укрытым мраком асфоделей
качнувшихся... Где на слога —
бессонный ветер слово делит.

Слова, что вырвались из рук,
верней — случайных слов крупницы
летят от Севера на Юг,
преодолев клочок страницы.

Когда-нибудь ты соберешь
слова, что были нам преградой,
от правды, отделяя ложь,
что брезжит на полях тетрадок...

Чтоб жизнь входила в тишину
и возвращала нас к купели,
как в ту далекую страну,
где вновь качнутся — асфодели...

Людмила Колодяжная

Ноябрь

Сквозь ветвей осторожный ажур,
осеянные инеем сетки —
проступают видением редким
вереницы склоненных фигур.

Кто-то дверцу открыл в высоте,
чьи-то мысли случайно читая,
чтоб увиделись нам в очертаньях —
сочетания ризы и крыл.

Чтобы скорбью наполненный скарб
пал на землю снежком, словно прахом,
освежая морщины оврагов,
ублажая безбрежный ноябрь.

Чтоб ожила¹ небес пустота,
над которой раскинулся млечный
мост — вековая черта,
уходящая в ту бесконечность,

где ряды-вереницы фигур
проступают видением редким
сквозь просторные звездные сетки,
сквозь ветвей осторожный ажур.

Пространство, которого на свете нет...

В невидимых линиях плена

«Но если по горюге — куст встает...»

Марина Цветаева

Пусть снег здесь падает густо
на куст, когда мы к зиме
идем, чтобы не было пусто
нам — путникам в долгой тьме,

в невидимых линиях плена
земного — мелькание вёрст
нам нужно, как во вселенной
необходимо звёзд

мерцание, жар, вращенье,
скопление точек-вех,
чтоб снега прикосновенье
не тяжелило век,

а только их остужало
подобием влаги той,
что в зимней купели дрожала —
под Рождества звездой,

Людмила Колодяжная

чтоб снег на челе держался,
как в час тот, как первый венец,
когда на земле рождался
земли и неба Творец,

чтоб падал снег осторожно
на Бога — из Божьих уст,
как ночью, во тьме дорожной
на придорожный куст.

Зимних дней кремнист островок

Людмила Колодяжная

Зимних дней кремнист островок

Зимних дней кремнист островок,
и земля под стопою тверда,
но змеистой сетью дорог
жизнь опутана впрок, навсегда.

Отворяю тетради ларь —
словно Рай, ты его закрыл...
Там мерцает в строке «Ты — царь,
даже если меня забыл».

Я склоняюсь над тою рекой,
где ты ждешь — на другом берегу,
чтоб суровой рифмой мужской
я скрепляла любую строку.

Время скашивает каблук,
тишиной укрощая речь...
Вот и убыло бремя разлук,
тех, что были предтечами встреч.

Но остался тетради ларь —
словно Рай, его Бог открыл,
там мерцает в строке «Ты — царь,
даже если меня забыл».

Пространство, которого на свете нет...

Мы странники – оттуда

Мы странники – оттуда,
из стран, которых нет,
пришельцы, ищем чуда,
во тьме сокрытый свет.

Уходим осторожно
во мглу безумья зим,
где пушкинский треножник
стоит, неколебим.

Там – дом стоит без крыши,
но ступишь за порог –
из каждой строгой ниши
неслышно смотрит Бог.

И лист сырой бумажный
плывет издалека,
и вырастает влажно
из-под пера строка.

И слов иголки-спицы
затеряны в стогу,
страница белой птицей
мерцает на снегу.

Людмила Колодяжная

Колблется треножник,
но время подойдет —
прохожий осторожно
страницу перечтет.

И вслед пойдет за нами,
в страну, которой нет,
где промелькнет меж снами
во тьме сокрытый — свет

Пространство, которого на свете нет...

И дрожала хвоя...

Луч совется в лунный локон
и вольется волоконцем
в даль твоих холодных окон
и в мое войдет оконце.

Вольный — он невольно свяжет
дома два, две части света,
только ты, отшельник, даже
не заметишь чудо это.

Он вплетется в плоть бумаги,
и рука над строчкой дрогнет
в час, когда, наверно, маги
к Рождеству найдут дороги

под лучом таким же ясным,
что влечет их к Вифлеему,
где уже Младенец в яслях
будет бережно спеленут...

Пусть наступит эта полночь.
Ты, разбуженный лучами,
растревожен, все же вспомнишь
Рождество, что мы встречали

Людмила Колодяжная

вместе... И дрожала хвоя,
остужал оконца иней,
и над нами плыли Двое,
на иконе — Матерь с Сыном...

Пространство, которого на свете нет...

Поэт уходит из мира во сне

Поэт уходит из мира во сне,
но не говорите себе — Он умер...
Бессмертие длится лишь в тишине,
а смерть пребывает в житейском шуме.

Поэт уходит, держа в руках
одну лишь подругу — подругу-лиру,
струны ее зазвучат не в такт,
как лебединая песня миру.

Поэт уходит по той же тропе,
что он проложил —
по всхолмиям строчек.
Уходит, покорный той же судьбе,
которую он в стихах напророчил.

И Царство его — не от мира сего...
Во сне он вернется в иную обитель.
И пусть нам с Земли не видно его —
оттуда он смотрит на нас, Небожитель,

на Землю, где он столько лет тосковал,
где он — просто умер —
а *там* он проснулся.

Он просто во сне незаметно вернулся
к Тому, кто все строки ему диктовал.

Людмила Колодяжная

**«Господь-даждь-днесь-
насущнейшего-хлеба...»**

Душа заключена в темницу-плоть,
земля укрыта бесконечным небом,

но часть его, быть может, лишь ломоть
«Господь-даждь-днесь-
насущнейшего-хлеба...»

Остыла жизнь, как опустелый дом,
и негде — от небытия согреться,

как дом, мы в землю, в прошлое вращаем,
но нам от неба никуда не деться.

Скрип половицы,
словно скрипки дрожь,
дорожный плач по рубежам недавним,

его повторит частый плеск ладош —
стучащихся в пустые окна ставней.
Воздушные пути, как нить, просты,
и жизнь по ним так просто пролетела,

чтобы душа смотрела с высоты
на землю, как на сброшенное тело...

Пространство, которого на свете нет...

Попробуй, на весах воздушных взвесь
кусок земли или кусочек неба,

с которого ты слышишь —

«Даждь нам днесь,

Господь,

ломоть насущнейшего хлеба...»

Людмила Колодяжная

Луча холодная соломка

Луча холодная соломка
уколет сердце, но без боли,
на лунной скатерти солонка,
и в ней — земной — крупницы соли.

Скупой паёк — когда-то роздан,
или просыпан был из дали...
Быть может, это просто звезды,
которые на стол упали,

когда над нашею судьбою
по ним гадали долго-долго...
Но я их разделю с тобою —
небес прозрачные осколки.

Чтоб ты добавил эту горстку
к снежинкам, спящим на пороге,
когда уйдешь, считая вёрсты,
один — но по моей дороге.

Ведь нам с пути уже не сбиться,
с той бесконечности, что кругом
очерчена, где звезд крупницы
о чем-то говорят друг с другом...

Пространство, которого на свете нет...

Ночного воздуха изнанка

Окна темнеющая ранка
морозом стянется, ветвями...
Ночного воздуха изнанка
проступит звездными узлами.

Небесный свет далек и долог,
лучи морозные нетленны,
Творец навечно вы́шил полог,
чтоб мы узнали о Вселенной.

Но ведь и нам дана попытка,
когда любовь пойдет на убыль —
скрепить луча растущей ниткой
в даль расходящиеся судьбы...

Пусть ткань натянута непрочно,
и лóмка горизонта рамка,
Но жизнь — светящаяся точка —
на воздуха ночной изнанке...

Людмила Колодяжная

Там – каждому дано по вере

Ночная даль заговорила
сквозь звезды языком твоим.
Строки опасные перила
хрупки – не перейти двоим

за ту опасную границу,
где с нами звезды говорят,
кустов морозных вереницы,
белы, как ангелы стоят.

Там – каждому дано по вере –
Или блаженство, или блажь,
там Рая дальнее предверье
хранит от нас печальный страж,

поставленный в тот день изгнания
(таков был от Творца приказ),
когда Адаму час познания
стал горше, чем смертельный час...

Архангела – светлы и святы
черты... Ты на него похож,
И знаю я – в ту дверь, Крылатый,
один ты, без меня, войдешь.

Пространство, которого на свете нет...

Ведь каждому дано — по вере...
Ночной окончен разговор.
А для меня — другие двери,
другой, не ведомый простор...

Людмила Колодяжная

Мы дважды в жизни стать хотим святыми...

Жизнь — отраженьем,
к ночи, зреет в окнах,
и полночи примета — горяча
свеча... В окне из хлопьев соткан
воздушный холст, морозная парча.

И на деревьях, как на прочных сваях —
небесный дом, там — огонёк-звезда...

И в этот час я книгу открываю —
той жизни, что не сбыться никогда,

которую и мы прожить мечтали,
но преступили книги той закон,
который нам когда-то свыше дали —
он повторен нам в линиях икон,

его вдыхаем мы в лампадном дыме,
он фимиамом обвивает нас...

Мы дважды в жизни
стать хотим святыми —
вначале в детстве, позже —
в смертный час.

Пространство, которого на свете нет...

Две эти даты связаны отрезком
пути, который мы пройти должны...
А жизнь другая светится на фресках,
под куполами вечной тишины.

Людмила Колодяжная

«ЧТО ОСТАЕТСЯ ПОСЛЕ ЖИЗНИ...»

*Что остается после жизни — эхо,
Обрывок повести,
        иль вести над обрывом,
Увенчанным навечно — точкой, вехой
Чуть сторбленной березы молчаливой.*

*Что остается после жизни, после
Впадения дней в поток путей воздушных —
Лампадка, колыбель пустая... Возле —
Заблудший ангел,
        что служил игрушкой...*

*Последний жест, он прост —
        припасть к коленям,
Просить пощады у Того, кто судит...
Потом уйти, не оставляя тени,
Потом пройти — до самой тайной сути.*

*Что остается после жизни — солнце,
Узор, что вышит вышними лучами,
Пришедшими из дали, сквозь оконце,
Да ангел, свет качнувший над плечами...*

Пространство, которого на свете нет...

Иов

Где вращается ивы
ствол в песок сожженный,
вырастает Иов
тенью прокаженной,

славя Божье Имя,
позабыв утраты,
зная Бог отымет,
что давал когда-то.

Лучше — песни ветра,
чем богатства гири,
лучше Божья света
стороны четыре.

Пусть Господь свивает
дом прозрачней, проще,
пусть душа сияет
сквозь лохмотья-мощи.

Босы ведь выходим
из родного лона,
босы переходим
мы под райски кроны,

Людмила Колодяжная

где склонится мостом
над потоком ива,
где спадет короста,
и воспрянет Иов,

славя Божье Имя,
позабыв утраты,
зная Бог отымет,
что давал когда-то...

Мы в ладонях спрячем горячий луч,
тот, что к нам с небес
прилетает горлицей,

в речи ветра снова поток певуч,
омывает утро границы горницы.

Вспомним — Агнца соломенную колыбель,
кельи-хлева пещерные своды...
Он вошел в крещенья земную купель,
Иордани родной раздвигая воды.

В золотой песок оседала муть,
золотистый луч упал на темя,

начинался Божий тернистый путь,
растворялось в речке-вечности время.

Пространство, которого на свете нет...

В речи ветра снова поток певуч,
омывает утро границы горницы,

мы в ладонях спрячем горячий луч,
тот, что к нам с небес
прилетает горлицей.

А пока — покаянья плоды, как дань
принесем, положим к тому порогу,

где о доски плещется Иордань,
где высок под куполом глас Пророка.

Пространство, которого на свете нет...

Пусть крыла твоего мне тяжел покров,
но любая крона дает просветы,
и судьба моя — это твой улов,
и речей твоих меня тянут сети.
Ты приставлен свыше к моей судьбе,
вняв тебе, помедлю на полуслове,
каждый шаг, иль шепот ведут к тебе,
если ангел ты, я — как бедный Товий.

Людмила Колодяжная

Встреча

Порой промелькнет страница,
как схимница, в белых ризах,
и мнится, что время двоится,
как рама, сквозь снежную призму,

и снится, что времени рана
сырою затянется мглою,
что в мире еще так рано,
так пусто еще над землею.

За тишиной не слышно,
откуда приходит зов Твой?
земля, словно Дева дышит,
обручена с горизонтом.

Береза рябит верстою,
с которой мой путь начнется,
возможно, я даже не стою,
крыла Твоего, что качнется,

когда рассыпется млечный
прах над моей головою,
когда молчанье при встрече
Твою тишину удвоит...

Пространство, которого на свете нет...

Но я принесу голубицу,
в Твой храм, как бедную лепту,
пророчицы гимн устремится
под купол строкою-лентой,

ведь тот, кто именье раздарит,
станет богат несметно,
окликнет меня Твой старец
короткою песнью бессмертной,

душу мою привечая,
пустив на простор голубицу,
ведь тот, кто Бога встречает —
смерти уже не боится...

Людмила Колодяжная

***

А где-то древо уже возрастает —
то, что качнется потом на холме,

и где-то плотник уже подрастает,
который снимет мерку по мне,

и где-то уже рождается ветер,
который взметет пустынную пыль,

и где-то уже серебрится, светел,
тот, что склонится к земле, ковыль,

и где-то ангел крыльями машет,
тот, что душу мою унесет,

и где-то гончар уже лепит чашу,
смертную — Бог ее поднесет,

где-то лесенка висится — к раю,
где-то тропинка спускается в ад,

где-то Кедрон волною играет,
чтобы омыть Гефсиманский сад,

Пространство, которого на свете нет...

где-то уже рождается Слово,
то, которое мне не успеть

произнести... Но душа готова
всё — принять, прежде, чем улететь...

Людмила Колодяжная

Позови

Позови туда, где закат
золотит горизонта оковы —
зыбким выдохом, музыкант —
гибкой дудочки тростниковой,

где березовых дров смола
омывает мольбой жаровню,
где тебе не нужны слова
на тропе тишины неровной —

в край, что мне еще незнаком —
кроме музыки, что там будет?
в край, куда бегут босиком
за тобою ангелы, люди,

дети... В край меня позови,
в край, где знаешь — уже ничей ты...
Слышишь, выдохом улови,
смелым шёпотом, лепетом флейты —

самой шелковой из сетей —
в край, который еще неведом,
где я стану тише детей,
что бегут за тобою следом.

Пространство, которого на свете нет...

Позови, музыкант, туда,
где любовь лишь — музыки тише,
где холодных небес слюда,
где миражем брезжится Китеж,

где уже — не флейта, а звон,
словно сон колокольный, светел,
где исполнили твой закон —
люди, ангелы, я и дети...

Людмила Колодяжная

Если ты много страдал перед смертью

«Это знает уставший...»

Михаил Булгаков

Если ты много страдал перед смертью,
если летел над вечерней землей,

если ты был пригвожден к этой тверди
солнца лучом или звездной иглой,

если в озера твой образ уронит,
встав за плечами, негаснувший свет,

если тебя кто-то дальний наклонит
к горней ладони как ивову ветвь,

если на облаке книгу читаешь,
как откровенья горящий устав —

тырываешь звенья и знаешь,
что покидаешь туман сей, устав,
без сожаленья, с отрадою в сердце,
грешных не помня, бросивших ком,

зная, что рай там, за облачной дверцей,
зная, что ночь накрывает платком

Пространство, которого на свете нет...

жизнь, что казалась вечности равной —
временем названный будней клочок —

но оказалась только лишь раной —
в сердце того, кто любил горячо...

Людмила Колодяжная

У каждой звезды есть такое Имя

У каждой звезды есть такое Имя,
которое ты произносишь шепотом,

звезды в ночи зажигаются, чтобы
мы иногда говорили с ними.

Луч от звезды летит к ладони
твоей — невидимая дорога —

идя по ней, обращаешься к Богу
на языке — бессловесном бездонном.

Звезда — фаворского света частица,
у каждой звезды есть такое пламя —

увидя его, ты думаешь — с нами
земной беды уже не случится.

Словно взгляды бездонные чьи-то,
звезды глядят на тебя издалёка,

твоя Звезда — это может быть о'ко
Серафима многоочитого.

Пространство, которого на свете нет...

Жизнь — с небесными связана нитями
лучей в ночи — никуда не деться...
Твоя звезда — это может быть сердце
ангела-твоего-хранителя...

Звезды в ночи зажигаются, чтобы
мы иногда говорили с ними,

у каждой звезды есть такое Имя,
которое ты произносишь шепотом...

Людмила Колодяжная

К Благовещению

Птицы — круто так воздух месят,
что смещается точка зрения,
все плотней между нами завеса —
из-под крыл уходящего времени.

К марту здешнему прилагается —
влагой вешней израненный, ветер...
Так, должно быть, стансы слагаются —
из скитаний, из нитей этих...

Разрывая воздуха сети,
птицы — первые тропки находят,
по которым спускаясь, ветер
превращений — вестью приходит,

той, что вечным лучом согрета,
перед вестью ручьем бегущим —
в руки Девы из Назарета,
этой вести с рожденья ждущей,

и неведеньем полоненной —
о конце — ожидания срока,
но до срока робко склоненной
над строкой Исайи-пророка.

Пространство, которого на свете нет...

Ей неведомо, в одиночестве,
что грядущее — хуже бремени...
Плечи девичьи держат пророчество —
на века, без конца, без времени...

Людмила Колодяжная

На Страстной

Переверну я страницу той,
что ближе к сердцу — рукою,
в книге, где виноградарь Твой
всю жизнь не дает покою.

Тысячелетний сюжет Твой прост...
В сумерках строки тают...
Но каждый вечер, в Великий Пост,
я книгу Твою читаю.

И будто — рядом стоишь Ты, тих,
в хитоне, и рус, и светел...
Как будто не было книг других
доныне — на этом свете,

а только Эта — про страшный Сад,
предательство, суд, молитву,
про небо, где ангелов сонмы летят —
на последнюю битву.

И будто — рядом с Тобой иду
путем единственным, кратким,
и каждое утро — вечера жду,
чтобы читать загадки,

Пространство, которого на свете нет...

чтоб рядом со мною возник Ты, тих,
в хитоне, и рус, и светел...
Как будто не было книг других
доныне — на этом свете.

Людмила Колодяжная

Мы учимся – только любви

Проводишь осеннею кистью
ты где-то... Мне слышится шум

слетающих медленно листьев,
иль мыслей, пришедших на ум.

Пусть время оставит нам даты,
но вечность не знает числа,

мы правим сквозь время – куда-то,
а в вечность – плывем без весла.

В начале – встречает нас вестью
архангел, и машет крылом...

в конце – лебединою песнью
мы сами кого-то зовем.

От жизни – останется что-то,
тот храм, что стоит на крови,

нас учат – бесценна свобода,
мы учимся – только любви...

Пространство, которого на свете нет...

Путь кремнистый

Я выбываю из игры...
Но путь кремнистый и туманный
еще блестит, и звездной манной
усыпан, чтобы неустанно,
раз в год, высокие дары

несли, чтобы стереть невзгоды,
волхвы — в далекие дома,
чтоб золото, ладан, смирина — всходы
давали, частью обихода
став, и сводя меня с ума....

Чтоб раз в году найти опору
душа могла б в полночный час,
когда смолкают разговоры
о мелком... Только о бесспорном
шумит легенда, стих, рассказ —

когда, дыханием согрета,
строка начнет повествовать
о девочке из Назарета,
чтоб по крупичам книжной пыли —
концы-начала страшной были
узлом бессмертия связать.

Людмила Колодяжная

Чтоб, угасая, не остыл
порыв души, готовой к бою
с той жизнью, где дана судьбою
седая вечность, словно тыл.

Чтобы искать истоки бед
в Саду — в аду первоначальном...
Благодарить за путь печальный —
от поражений, до побед...

Пространство, которого на свете нет...

Давид перед ковчегом

Давид перед ковчегом пляшет —
ведь только Бог развеселит
уста припавшие к той чаше,
что пред уставшими стоит.

О трудной славе псалмопевца,
далекий царь, ты знаешь сам,
закрыта Книга, словно дверца,
а ключ затерян — в небесах.

Давид-провидец веселится,
псалмы написаны давно,
а здесь — спасенья луч струится
к страницам в узкое окно.

Пусть пляшет царь перед ковчегом,
пусть смотрит Бог на нас в ночи,
пока, покрыта белым снегом,
страница-схимница молчит.

Ведь круг безмолвья разомкнется,
и ангел мне строку прочтет,
молитва, что дичком привьется,
созрев, в страницы упадет.

Людмила Колодяжная

Теряется листва с деревец,
чтоб стыть заплатами окон...
Пред Богом пляшет псалмопевец,
святые — светятся с икон.

Пусть перед вечностью кружится
певец, листва, да рой словес...
Но только бы договориться —
до исполнения чудес.

Пространство, которого на свете нет...

Где стоишь с молитвой – ты...

Пусть береза лист уронит
на стекло... Пусть вьется дым —
дань камина в дальнем доме —
ранним сумеркам седым,

где сведется день к потере
кАпель, что роняет дождь...
Там на слух — еще поверят
в скрипы двери, в сердца дрожь.

Слышен шелк иных материй
там, где прошлое — не жгут,
где в смиренье ждут и верят —
в ад и рай, в терновый жгут,

где сменяется доньше
осень — сахарной зимой,
тонет ёлка в крестовине,
словно доли нет иной,

кроме той, что в дальнем доме,
где зимой горит камин,
где кармин заката тонет
в окнах, сумраком гоним...

Людмила Колодяжная

В доме том и мне знакомы
каждой комнаты черты,
каждый угол, клин иконы,
где стоишь с молитвой — Ты...

Пространство, которого на свете нет...

Жизнь – очерчена вчерне

Жизнь – очерчена вчерне,
и если задуматься строго,
до тайной нашей Вечерни
осталось совсем немного.

Прольется Господне Лето
сквозь золото паутины,
мы вспомним – мы дети света
и живы – не хлебом единым.

Отделим плевелы от зерен –
пшеницы, растущей в вечность,
вольемся в поток Нагорной
проповеди, зов речи,

в даль взвитой тишиною –
той речи, которою дышим,
насытившись солью земною,
светильник поставим выше,

и птицам просыпем просо,
о чуде попросим Бога –
о днях – без ответов-вопросов,
о счастье ждать у порога –

Людмила Колодяжная

ангела, гостя редкого,
весть из запретной дали,
чтобы небо согрето
было тайной страданья,

чтобы времени спицы
медленнее мелькали,
чтобы к ладони птицы
Божии прилетали.

Ведь жизнь — очерчена вчерне,
и если задуматься строго,
до тайной нашей Вечерни
осталось совсем немного.

Людмила Колодяжная

Букв ожерелье, в ноль карат —
Его наряд убогий
Еще дороже — во сто крат,
Когда превыше всех наград —
Лишь взгляд с иконы строгий.

Печаль его — всегда чиста,
Прозрачна, как основа
Листа, папируса, холста,
Чтоб пройдена была верста —
От слова и до Слова,

Чтобы душа вздохнуть могла
О том, что Бог есть в мире...
Икона светит из угла,
В час покаянья расцвела
Строка Твоей Псалтыри.

Пространство, которого на свете нет...

Лесенка для Ангела

Мой поводырь
на небесных тропинках,
снится мне крыльев
шелковый холмик
и профиль с горбинкой,

ризы льняной
серебристые перья,
иль нити —
волнами льнут
когда рядом
летишь ты, хранитель,

голос певуч,
словно луч,
пригвождает внимање —
проблеск меж туч
на горизонте туманном
сознања.

Я не ропщу —
я к тебе обращаюсь
с молитвой,
вслед за тобой
проходя по земным
лабиринтам,

Людмила Колодяжная

взглядом тебя провожая
до самых
окраин
бедной земли,
до калитки
чуть всхлипнувшей Рая.

Ты не уйдешь, не разлюбишь,
и ты не предашь,
не изменишь,
жизни верблюжью ношу
сквозь звездные иглы
проденешь.

Крыл твоих
снежные холмики
пусть шелестят надо мною,
жизнь моя —
словно помолвлена
с вешней твоей тишиною.

Пространство, которого на свете нет...

Томик Пятикнижья

Если дом утратой выжжен,
и сплелись тропинки сетью,
вспомни — томик Пятикнижья
близ лампы где-то светит.

Пусть блеснет в дали туманной
нить дождя, иль манны кроха,
чтоб доверившись обману,
вдруг подумал — жить неплохо,

если есть еще синица,
что к окошку подлетает,
из ладошек пьет водицу,
а журавлик — в небе тает,

ставя медленную точку
где-то там, в тиши небесной,
там, где Библии листочки
не смолкают — о чудесном...

Людмила Колодяжная

«ПОЭТ РИСУЕТ СЛОВО»

*Поэт рисует Слово,
как Ангел, на песке,
его не слышно с Оло,
лишь пепла горсть в руке.*

*Довлеет дневи злоба...
Но не молчат уста,
пера — опасна проба,
когда тропа пуста.*

*Пока слова рисует
поэт — как Бог, он жив,
а тот, кто не рискует,
тот мертв и пуст, и жив.*

*День нынешний говлеет
в дыхании строки,
а завтра кто-то склеит
дней наших позвонки.*

*Пусть Саломея пляшет,
веселье — зла исток,
но смертную пьет Чашу
в Саду уставший Бог.*

Пространство, которого на свете нет...

*Довлеет злоба дневи,
и в гневe — вечера,
но зреет боль в напеве
всё та же, что вчера.*

*Строки подгъём изломан,
но в путь спешит рука,
и уголёк не сломан,
и ждёт — пуста-доска.*

*Строка на побережье
размыта болью волн,
а завтра — ветер свежий,
и Саг, и крест, и холм...*

Людмила Колодяжная

Ладони

1

«Весь этот мир как на ладони...»

Небесный проблеск робко тронет
лучом — подобием венца —
весь этот мир — как на ладони
лежащий вечно у Творца.

Мой взгляд пока никто не гонит
от линий твоего лица,
когда вокруг него ладони
летят, как крылья у Гонца,

когда все слаще и бездонней
те дни, которым нет конца,
когда мы, как птенцы в ладони
спасающего нас Творца.

Но как предчувствие погони,
предчувствие смертного конца,
когда протянуты ладони
вдоль перекладин, близ торца...

Людмила Колодяжная

2

«Ладонью пересеку...»

Ладонью пересеку
бездонную воздуха гладь я,
берегом времени по песку
перенесу тоску,

лунная ладья —
ладонь причалит к твоему виску...
Ладонь — колыбель,
в которой тепло

щеке усталой,
помнишь, к ладони влекло
голубей —
духов святых — из далей...

Помнишь, ладонь легко
разматывала клубочек —
путь к тебе, когда далеко
ты был, голубочек...

Пространство, которого на свете нет...

3

«Когда сведу ладонь с ладонью...»

Рукой моею рождена —
от твоего прикосновенья —
река строки, как тишина
войдет в покой стихотворенья.

Ей кажется, что на века...
Её укроют букв ресницы,
она взрывает, как зигзаг,
густое облако страницы.

Строку — рукою не унять,
ей так тесны страницы пяльцы,
она торопится догнать
смысл, уходящий из-под пальцев.

Но я — тебе её верну
уже покорной и бездонной,
в твою святую тишину,
когда сведу — ладонь с ладонью...

Людмила Колодяжная

Реквием

(памяти Катюши, 1 ноября, 2006)

Как мало ты жила, когда сравнишь
твой путь с тропами тех, кто помнят
тебя, когда, лишь
торжествует тишь
в пустых теперь
шкатулках детских комнат —

таких потерь
нельзя перенести,
ведь нам нести
вспоминанья бремя
туда, где не дано перевести
две стрелки, восстанавливая время,

твой облик, взгляд, недетскую судьбу,
и золота волос — и шелк и россыпь,
ты все узнала — райскую тропу,
обрывов ада каменистых осыпь,

а мы, теперь привычные к беде,
живем воспоминаньями — во имя
ребенка-ангела, о чьей судьбе
задумаясь только — сердце стынет...

Пространство, которого на свете нет...

Как мало ты жила — всего лишь шесть
неполных лет... Но возросла душою
до тех высот, где твой недетский жест
царит над нами... К вечному покою

приблизилась настолько рано ты,
что даже мы, готовые ко встрече
с неведомым, молчим у той черты,
где так мелки земные наши речи...

Людмила Колодяжная

Твой Дом

Распались дни, и прошлого фрагменты
лишь в памяти сливаются в одно —
их обвиваешь траурною лентой
и пускаешь медленно на дно.
И дом встает... Теперь — уже ничей,
слетает позолота с тех лучей,
что в дом ломились утром, рано-рано,
где были мы друзьями всех вещей,
но первым другом было — фортепяно.
Оно теперь молчит, не ждет, не плачет,
и белых клавиш не вздымает пену...
На нем играл русоволосый мальчик —
клавире Баха и ноктюрн Шопена.
Теперь и он прошел до середины
судьбою предназначенный отрезок —
в стране, где нет берез, и нет рябины,
где прошлое — непрошенный довесок.
Дни распадутся, никуда не деться,
и линии сотрутся на руке,
как очерки событий... Только детство
старинным домом встанет вдалеке,
где неизменно только фортепяно,
среди других распавшихся вещей,
где клавиши лишь вспыхнут первозданно —
от позолоты утренних лучей.

Пространство, которого на свете нет...

Лето Господне

То, что когда-то мы нашарили,
пускай потеряно сегодня...
Зари осенними пожарами
год начинается Господний.

Пусть слов моих кружатся оводы,
тебе покусывая ушко,
горячий шепот — редкий повод
пройти сквозь радуги воздушные.

Пусть жизнь сгорит
в осеннем пламени,
пусть мы с тобою — не в фаворе,
пусть не затмит нам счастья давнего —
грядущего пустое горе.

Пусть мы прошли
сквозь счастье нищими,
всё принимая — кнут и пряник,
насыщенных небесной пищею —
чужой ломоть уже не манит.

Ведь только встречей дорожили мы,
в чужой приют входя отважно,
где всё, что в спорах ворошили мы,
в тот краткий час казалось важным.

Людмила Колодяжная

И пусть короткое кружение
над жизнью — выпало не часто...
нам удалось преобразование
совместно прожитого часа.

Пусть будут ангелом проявлены
двух частных жизней негативы,
ведь всё, что здесь бедой оплавлено,
там — нам увидится счастливым.

Вот потому, ищю я повода —
пройти сквозь радуги воздушные
чтобы слова-кружили-оводы
горячим шепотом, на ушко.

Пространство, которого на свете нет...

«С ключей скрипичных слепки сняты...»

Не говори мне только «нет»,
и в сотый раз меня с ума ты —
сведи, играя лунный свет
одной бетховенской сонаты.

И пусть расходятся лучи,
как жизни будущей дорожки,
белеют клавиши в ночи,
покрыты лунною порошей.

За звуком звук — меня веди,
лунатик вечный, свет играя,
туда, куда мне нет пути —
в пустые лабиринты рая.

За звуком тянется пусть след,
чуть безнадежный, как дорожка,
как продолжение наших бед,
которых нет уже — дороже.

По клавишам меня веди,
гармонии знаток и пленник,
пусть обрываются пути,
но не кончаются ступени.

Людмила Колодяжная

Сна — нет... И «нет» — не говори,
молчанье — золота дороже,
из дрожи пальцев сотвори
сонаты лунную дорожку.

В слепой ночи — запретов нет,
с ключей скрипичных слёпки сняты,
и пусть клубится лунный свет,
пробивший лабиринт сонаты...

Пространство, которого на свете нет...

Лотова жена

Последняя горная вьется стезя
перед женою послушною...
Шла, зная — оглядываться нельзя,
чтоб Ангела — не послушаться.

Но что там ждет, в чужеземной дали? —
Судьбы неизвестен очерк...
А перед нею за Ангелом шли —
Праведный Лот и дочери.

И за спиной пламенел Содом...
— Что, если случайно споткнуться,
на миг прощальный увидеть дом —
нет, нет — нельзя оглянуться,

ведь город Божьим казнен судом,
на камне не станет камня,
но неужели и милый дом
охвачен небесным пламенем?

Так — в горней шла она тишине
по камням скользким и гладким...
— Господь велик, пусть простится мне
последняя в жизни оглядка.

Людмила Колодяжная

Она оглянулась... И Тишиной
Вдруг стала — навек, бессрочно...
Не слышал Лот шагов за спиной,
и вздоха — не слышали дочери.

Она стала меньшею из утрат,
Но доля её — тревожит...

Отдавшая жизнь за последний взгляд,
который, как вызов брошен...

Пространство, которого на свете нет...

Годовщина

(памяти Катюши)

Кто скажет «Нет», когда ты — есть...
На птичьей высоте, над твердью
звучит твоя небесна весть,
чтобы и нам — достичь бессмертья.

Разбужен ангельской трубой
мой дух... Склоняясь над
Книгой Главной,
я слышу детский голос твой,
когда читаю Иоанна.

Твой голос раздвигает тишь,
как обретенная потеря,
и «Смерти нет», — ты говоришь,
тебе внимаю, вторю, верю.

Как синева иных начал,
твой взгляд бездонный надо мною...
На высоте есть твой причал,
где ты встречаешь тишиною,

той, что единственный ответ
из той дали, как сон безбрежной,
где говоришь ты: «Смерти нет,
всё отошло, что было прежним...»

Людмила Колодяжная

Сольвейг

«Сольвейг прибегает на лыжах..»

Ибсен

Звездный луч прольется солью,
свет оставив на судьбе,
я сегодня — буду Сольвейг,
прибежавшею к тебе.

Я приду к тебе на лыжах,
когда кончится пурга,
чтоб огонь увидеть рыжий
сквозь оконце очага.

Я мелькну легко, как веха,
на пути, на рубеже,
чтоб войти осколком смеха,
вспыхнувшем в твоей душе.

Я найду твою избушку,
на опушке, близ сосны,
пусть любовь над нами кружит,
вечерами — до весны.

Пространство, которого на свете нет...

Чтоб не знали — ночь ли день ли,
что нам делать? — встать, уснуть...
Чтоб могла неслышной тенью
сквозь калитку ускользнуть

в жизнь свою, где солнце брызжет,
неподвластное судьбе —
от тебя сбегу — на лыжах,
от тебя сбегу — к себе...

Людмила Колодяжная

«Где кружит Птица-Русь...»

Край размытых доро́г
и дождя в ноябре,
но в означенный срок
тонет он — в серебре.

Край, где краше берёз —
в рощах тропки доро́г,
край, где Север белёс,
край, где ветер продрог.

Край, где в облако слит
дым, маяча, из труб,
край горячих молитв
над прохладою губ.

Край, что Богом храним,
край босых, да святых,
край равнин, да рябин,
до крови налитых.

Божий Образ взвился' —
на Него — ты похож,
край, где ты родился,
и куда ты придёшь —

Пространство, которого на свете нет...

в край, где держится грусть,
грусть без края-конца,
где кружит Птица-Русь,
с ликом Агнца-Гонца...

Людмила Колодяжная

***

*«Воронеж – блажь,
Воронеж – ворон, нож...»
О. Мандельштам*

*«по хрусталиям я прохожу несмело...»
А. Ахматова (Воронеж, 1936)*

Когда-нибудь, когда уронишь
в день будний слово «Позабудь»,
я от тебя сбегу в Воронеж,
в Саратов, в глушь, куда-нибудь,

туда, в замес метели белой,
в тот город-ворон, город-ёж,
куда по хрусталиям несмело
вослед за мною не пойдешь,

туда — на родину Кольцова,
ад Мандельштама, рай щегла,
твоим молчаньем окольцована —
в твоём тепле — мне нет угла.

Найду приют за краем света —
куда еще нести беду? —
и в дом опального поэта,
как Анна некогда, войду,

Пространство, которого на свете нет...

причастницею стану круга —
тех, кто в ненастье жить привык,
и стану нищенкой-подругой,
ведя воронежский дневник,

когда-то живших здесь поэтов
припоминая имена —
в Воронеже, за краем света,
давно, в глухие времена...

Людмила Колодяжная

Я возьму кусочек прозы жизни нашей

Я возьму кусочек прозы жизни нашей,
разобью и склею заново по строчкам,
чтоб склониться,
        как те Ангелы пред чашей,
в час, когда поставит Кто-то где-то точку.

Может, ты по строкам кротким
        пробежишься,
до конца не зная — что же мне ответить,
может, тенью рядом в том кругу склонишься
перед чашей... И лучей прольются сети.

Так замрем мы, словно образуя фреску,
словно мы мечтали о таком исходе,
видишь — линией размытой чуть,
        нерезкой,
нас какой-нибудь Рублев уже обводит.

Так застынем, кисти мастера покорны,
вышей воле
        не своей былой капризной),
лишь почувствуем —
        пока еще просторны
грешным нам — святые эти ризы.

Пространство, которого на свете нет...

Нам склонения — еще опасна поза,
от движенья чаша
        может вдруг разбиться,
я тебе верну кусочек нашей прозы,
потому что мы — не ангелы, а птицы...

Людмила Колодяжная

«Ты новый в сердце запиши пароль»

Я для тебя в ладонях сберегу
слова, что очерствевшею бумагой
потеряны, но там на берегу
они плеснут соленой крепкой влагой,

на буквы, как на капли раздробясь,
слова к тебе потянутся цепочкой,
меж нами восстанавливая связь,
взойдут дымком

как облако непрочным,

воздушный перечеркивая путь,
нас поведут вдоль облака по кромке,
и ты слова иные позабуди,
а только эти прошепчи негромко,

в моей судьбе припоминая роль,
когда-то сыгранную наудачу,
ты новый в сердце запиши пароль —
беря в ладони ворох слов прозрачных...

Пространство, которого на свете нет...

Поэтам, жизнь мою – сложившим

Я продолжаю то, что до меня
возникло в пожелтевших чуть страницах,
я просто часть упавшего огня,
я лишь звено в протяжной веренице.

И ты строку, как душу протяни,
преодолей привычный страх небесный
пусть мы останемся лишь в их тени,
но мы продолжим тех, ушедших, песни.

Вберем в себя разящий смелый звук,
проникнем в мысли,
в даль продолжим строчки,
которыми пленен навечно слух,
и разорвем безмолвья оболочку,

Пусть, как для них, последним станет день
– его оправдывает только слово
учителей, которых чтим мы тень,
путь продолжая – нет пути иного.

Я как молитву буду повторять
слова не тех, кто в стане отлюбивших,
а тех кого, так страшно потерять –
поэтов, жизнь мою – сложивших...

Людмила Колодяжная

В дни, когда нам читают Апостол

Мы еще нарыдаемся вдосталь,
Чтобы стала душа — тишиной,
В дни, когда нам читают Апостол
В гулкой церкви прозрачной весной.

Мы протянем горячие руки,
Возжигая свечу перед тем
Одиноким распятым, где муки
Нам воочью даны на кресте.

Грех последний слезами стирая,
Повторяя молитвы без слов,
Мы пойдем: только душу теряя,
Обретем ее в вечности вновь.

Пусть возносятся наши рыдания
Над скрещеньями тайных дорог,
На которых, в принявшем страданье
Человеке — рождается Бог.

Мы готовы стоять в гулком храме,
Где уходит душа на простор,
Мы готовы играть в этой драме,
Зная — Кто — автор и режиссёр...

Пространство, которого на свете нет...

Мелхола

Порою ждешь, чтоб всё уснуло
чтоб тишиной свечу задуло,
пробились лунные лучи,
чтоб за печатью дней, за гулом,
сквозь тысяч-летия различить —
о чем Давид поет Саулу...

Какою силой мог он, отрок,
рассеивать потоки мглы —
ведь песни путь, как жизнь короток,
и злом обвиты все углы...
Но перед тем, кто сердцем кроток

сдается зло... И лишь Мелхола,
ко прочим женихам суха,
не избежав судьбы укола,
клянет Давида-пастуха,

но от предчувствия сердце ноет
и, странным пламенем горя,
она мечтает стать женою
то ль бедняка, то ли — Царя...

Людмила Колодяжная

«Отвага твоя – лишь Ангела услуга»

Исчезла музыка вчерашняя,
а звуки новые в разброде,
но ангел приручен домашний,
он как двойник по дому бродит.

Он по лучу, как по дорожке,
сошел из облачной пустыни,
крылатой тенью осторожной
вошел в судьбу, скользя меж линий

ее... Вступая в связь с вещами,
как будто зная сокровенный
их смысл и прошлые печали,
как будто тонки стали стены

той комнаты, где словно третий,
преодолевший расстоянье
разлуки – лик твой на портрете
царит как жизни свет – недавней,

запутанной, которой прелесть
не оценили мы и в шуме
времен забыли шелк и шелест
страниц единственных – их сумма

Пространство, которого на свете нет...

и есть та лепта коей платим...
А прочие — спадут как листья
и станут пеплом на квадрате
твоих портретов чьей-то кисти,

с которых ты, не сделав шага,
войдешь в мой дом, предав разлуку,
не понимая, что отвага
твоя — лишь Ангела услуга.

Людмила Колодяжная

**«Над тем стихом, что был зазубрен
тобой когда-то наизусть...»**

Укором мне — путей неровность
твоих, моих, но я молюсь
о том, что я вернусь, опомнюсь,
ответным светом озарюсь.

Лучей игра всего попытка —
чтоб пытку памяти стереть,
и лишь неистребимость свитка
мне позволяет в даль смотреть,

где так тонки страницы ребра,
так невесом ее завет,
где радуга строки, как образ,
лишь повторяет божий свет,

которого не видит зрячий,
запутавшись в сети теней,
который я, встречая, прячу
в случайность, в безразличье дней.

Но щедрый свет приняв в тетрадку,
чтоб истребить словесный вздор,
я жизни нить вплетаю в прядку
ветвей бегущих на простор.

Пространство, которого на свете нет...

Их тени, как гряда зазубрин
над комнатой, хранящей грусть,
над тем стихом, что был зазубрен
тобой когда-то наизусть...

Людмила Колодяжная

Ветошь брошенного пледа

Строго в полночь льют тревогу
в час сближения две стрелки,
соль зернистая дороги
переходит в гравий мелкий.

Тень твоя, уйдя бесследно,
возвратилась и воскресла,
тень окна, как ветошь пледа,
брошена лучом на кресло.

Серебрится стрелки веха,
занавеска мелко дышит,
мы живем в случайном веке,
где лучом никто не пишет.

Только те, кого сближает
ночь, натянута на пальцы
голых окон... Обжигает
лунный свет, проплыв сквозь пальцы

тех, кто каждый час рисует
вензель слова на странице...
Стрелки каждый час рискуют
не сойдясь остановиться,

Пространство, которого на свете нет...

поминутно разрушая
время, что пройдет бесследно...
Только кресло воскрешает
ветошь брошенного пледа...

Людмила Колодяжная

Памяти Александра Солженицына

«Когда погребают эпоху...»

Анна Ахматова

Сквозь лампадные блики
слова в дневнике процвели:
«Еще один умер великий
писатель Русской Земли...»

Щедро роняет влагу —
и не стереть с лица —
царственный месяц август,
оплакивая Певца.

Слез своих лепту-кроху —
к природе добавим и мы...
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы.

Величие — не измерить,
аршин Ему общий мал,
Пророку можно лишь верить,
словам, что он нам сказал.

Пространство, которого на свете нет...

Слова его стали святы,
слышны сквозь времени гам —
он был наш первый Вожатый,
проведший по Первым кругам.

Он до последнего вдоха
нас выводил из тьмы...
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы.

Людмила Колодяжная

***

«Прислонясь к дверному косяку...»

Борис Пастернак

Разреши мне снова прислониться
к твоему дверному косяку,
я минуты эти на страницах,
время это — сердцем засеку.

Пусть ладонь твоя сегодня жёстка,
пусть горьки слова, что ты сказал,
разреши мне выйти на подмости
в этот гулом оглушенный зал.

Свет твоей звезды окрасит раму,
прибавляя к старой боли — боль...
Разреши в твоей высокой драме
мне сыграть свою пустую роль.

Разреши мне поклониться молча,
кинуть в зал короткое «Прости...»,
разреши мерцанье этой ночи
до тебя в ладонях донести,

Пространство, которого на свете нет...

до конца пройти пустынным полем,
что когда-то — жизнью назовут,
где душа отпустится на волю,
если душу свыше призовут.

Разреши мне молча поклониться,
это время сердцем засеку...
Разреши мне ночью прислониться
к твоему дверному косяку...

Людмила Колодяжная

«НО ОБРЕТАЕТСЯ ЦАРСТВО»

Катюшино стихотворение

(лето 2006 года)

*Мария Египетская на иконе —
Любезней она всех бабочек.
И всех она любит, даже злых,
особенно добрых.*

*Но когда мы видим всех святых на небе,
Значит, мы сами на небе.*

*Но бывает еще больше —
если среди них Бог,
то воскликнешь — Бог!*

Пространство, которого на свете нет...

Песня для Катюши

Сон лепестковый,
лепет, метель,
золушкин домик
среди леса,
райская дверца
рвется с петель...
Верится ли —
принцесса?

*Сон позабытый,
душе горячо,
в сказке скрыто
лукавство,
что-то теряется,
как башмачок,
но обретается
царство.*

Вьется ладан,
уходит печаль,
туфелька падает
зыбкая,
Лесенка — или
песни причал,
струны — перила
гибкие.

Людмила Колодяжная

*Сон забытый,
душе горячо,
в сказке скрыто
лукавство,
что-то теряется,
как башмачок,
но обретается
царство...*

Пространство, которого на свете нет...

Маленький Принц

Приучи меня — к дальним звездам
и к ручьям лучей вдоль страниц.
Приучи меня — коль не поздно,
к редким встречам с тобою, Принц.

Приучи меня — тихой речью
о далеких твоих мирах.
Приучи меня — каждой встречей
отгоняя неверья страх.

Приучи меня — кротким смехом,
иногда похожим на плач.
Приучи меня — дальним эхом,
пусть вздохнет от шагов твой плащ.

Приучи меня — зорким сердцем,
чтоб строки серебрилась стезя.
Приучи меня — чистым детством,
о котором забыла я.

Приучи меня — к звездам дальним
и к ручьям лучей вдоль страниц.
Приучи меня — к той печальной,
к той последней разлуке, Принц...

Людмила Колодяжная

Принцесса на горошине

Веруешь, иль не веришь,
задуманное — случится,
фея-нищенка в двери,
в царский дом постучится.

Веточка, посох дорожный —
с просьбой крова и хлеба...
Но тюфяки с горошиной
в келью внесет королева.

Фея молитвам научена,
пальчики стиснет до хруста,
утром встанет, измучена
царским ложем прокрустовым...

Если дано испытанье,
с молитвой свершишь — невозможное,
только бы знать заранее,
где же лежит горошина...

Жизни нить перепутана,
угадывать — дело привычное,
в ткань земную окутано
Божье зерно горчичное...

Пространство, которого на свете нет...

Русалочка

За тобою, тебе уступая,
я бегу, ты меня позабуди.
Как по лезвию — я ступаю,
и уступами вьется путь.

Я пою... Ты меня не слушай.
Сушей, морем ли — лишь брести
за тобой... Чтоб бессмертную душу
на воздушных путях обрести.

Голубее прибоя — вены
утомленных жизнью рек...
Не полюбишь — прильну я пеной,
бренный твой укрывая брег.

Убегу... Мне себя не жалко —
вечер, вечность ли на весах..
Не ропщу — я твоя русалка —
ангел русский твой — в небесах...

Людмила Колодяжная

Эта сказка – про Дюймовочку

Завилась строка-веревочка.
Эта сказка – про Дюймовочку.

Родилась она в цветочке,
Только в дюйм была росточком
И спала на лепесточке.
Утащили ее ночью
Жаба с жабою-сыночком.

Стала жизнь казаться зыбкой,
И спасли ее две рыбки –
Хвостиками, плавниками...
Но, отвергнута жуками,
Провела в лесу всё лето –
В травки, в листики одета.

И, покорна Божьей воле,
Зиму прожила в неволе –
В чистом поле, под пригорком,
Под землёю, в мышьей норке...

Пусть и крошка-невеличка,
Но спасла от смерти птичку.
Зиму переждав и вьюгу,
Полетели они к Югу.

Пространство, которого на свете нет...

Там она — в воздушном шлейфе
Стала королевой эльфов.
Пусть лишь в дюйм, но нет печали —
Лишь бы крылья над плечами...

Эта сказка — про Дюймовочку.
Здесь конец строке-веревочке.

Людмила Колодяжная

Сандрильона

В самой дальней сторожке
Золушка жарит картошку,
вечный — в печке огонь...
Фея берет осторожно
Золушкину ладонь.
Крошка надеждой согрета —
тыква вместо кареты,
кони — шестерка мышат.
Где-то на краешке света —
бал и огни дрожат...

Капельки легкого звона —
вечны — сказки законы,
время — с бала бежать.
Снова должна Сандрильона —
туфельку потерять...

Туфельки — хрупкие ножны
для ступни осторожной —
ложе из хрусталя.
Тот, кто надеть ее сможет —
станет женой короля
ранней порой весенней —

Пространство, которого на свете нет...

сказка, судьба, везенье,
тропка, дорожка, стезя...
Вечное вознесенье —
из нищеты — в князья...

Капельки легкого звона —
вечны — сказки законы,
время — с бала бежать.
Снова должна Сандрильона —
туфельку потерять...

Пространство, которого на свете нет...

Надо снова превысить себя

Надо снова превысить себя,
надо стать только звуком и словом,
как святые, в пустыне губя
жизнь, дождавшись Господнего зова.

О, еще я склоняюсь, служа,
слушай, сердце и жди — на коленях,
как стрела рвется к дали, дрожа,
обгоняя полет свой и пенье.

Как и жизнь, смерть в начале трудна,
слушай, сердце и жди — на коленях,
как рождает, дрожа, тишина
то ли весть, то ль ее дуновение.

О, еще я склоняюсь... Зови,
увлекай до безумств, до полета.
Только знаю я, выше любви
есть в пространстве незримое что-то...

Как и смерть, жизнь в начале трудна,
в жизнь шагнем мы из облачной пены,
чтобы вечности влажной волна
набегала на нас постепенно.

Людмила Колодяжная

О, еще я склоняюсь, губя
жизнь, дождавшись Господнего зова...
надо снова превысить себя,
надо стать только звуком и словом.

Пространство, которого на свете нет...

Станет душа звездой

Если утром звезда
в омут озерный канет,
станет вином вода,
как в Галилейской Кане.

Звездной тоской шурша,
в душу вольется млечность.
станет водой душа,
словно источник вечный.

Слово поет об одном —
лишь о звезде в тумане,
станет вода вином,
как в Галилейской Кане.

Важен — закон простой,
внятен лепет бумажный,
слово станет водой,
что утоляет жажду.

Слово уйдет без следа
в дали воображенья,
станет звездой вода,
поймав ее отраженье.

Людмила Колодяжная

К дали стремясь одной,
мысли одной я внемлю —
станет душа звездой,
если покинет землю.

Пространство, которого на свете нет...

«Тише», – сказал я душе...»

«Тише», – сказал я душе,
вняв мне, душа уступила,
зная молчания силу,
с коей не сладить уже.

«Край тишины беребя,
стань молчалива сегодня.
тьма снизойдет на тебя.
тьма эта будет – Господня.»

Я к тишине этой льну,
только молчанье очистит,
тьма наступает на тьму,
падают листья на листья.

Что без надежды ты ждешь –
счастья, упрека, совета?
Стрелами тянется дождь.
ломкими нитями света.

«Тише», – душе я сказал, –
«Ритма иного не требуй,
видишь, как влажно связал
нитью дождя тебя с небом?»

Людмила Колодяжная

Пряжа живая летит,
рвется на капли в мученьях...
Нет нам иного пути,
кроме пути отречения.»

Край тишины беребя,
нежную мучая пряжу,
знаю, душа моя, скажешь —
«Я отреклась от себя...»

Пространство, которого на свете нет...

Все – в душе

И приходит час этот долгий, когда
Все – в душе, а вокруг нет ни взгляда,
ни звука,
Когда место свидания – та высота,
На которой никто не протянет руку.

Кроткий час исправленья
окольных путей,
Укрощения крика и жеста, и шага,
Избавленья от листьев, корней, от сетей,
Запах жизни держащих,
теряющих влагу.

Шаг возврата к пунктиру,
филиграни в ущерб –
Исчезая, дробимся...
Но все же, скажи мне,
Разве больно траве
ждать ласкающий серп?
Разве плач не возвышен,
не сдержан до гимна?
Краткий час – в тень одну уже
слитых уграт –
В высоте, в пустоте лишь
лучей бездорожье.

Людмила Колодяжная

Там ты видишь,
    что ангел без крыльев — горбат,
Ты ему благодарен за дар хромоножья,

За увечье, за час исправленья путей,
Укрощения шага и крика, и жеста,
Избавленья от жизни, от жестких сетей,
Когда лишь высота —
                    есть свидания место.

Пространство, которого на свете нет...

«На этот свет зачем ты пришел?»

Когда меня провели через Сад,
направо, налево, через комнат ряд,

в квадратный покой, залитый светом,
лиловатым, как тени лета,

я подумал: «Ангелы живут
в такой тишине,
когда лето сменяет весну...»,

и дальше пошел, как идут во сне,
и ангел спросил меня : «Ну?» —

и бросил цветок из золотых волос,
(это было начало суда),

как бросают камешки под откос...
А я поднял цветок и поднес к губам —

это был мой земной ответ,
и будущей жизни исток...

И ангел спросил: «На этот свет
зачем ты пришел?»
— «Чтобы поцеловать цветок...»

Людмила Колодяжная

Освобождая – вечность...

Слов твоих пало бремя –
стрелочка отклонилась,

остановилось время,
время – остановилось...

Слова сверкнула дверца,
вскрикнула, затворилась...

Остановилось сердце,
сердце – остановилось...

В полдня капле янтарной
давние наши тени

сближены благодарно –
остановилось время.

Слова уставшего бремя
остановило речи,

отодвигая время,
освобождая – вечность...

Пространство, которого на свете нет...

Помолись о душе моей нищей

Свет тебе брезжит даже во тьме...
Мне же, униженной до пепелища,
что же делать, потерянной, мне —
помолись о душе моей нищей.

Нимбом меня обнимала мгла,
только ты — оставался светом,
только птицею петь могла
на — канатом натянутой ветви.

Благодаря за единственный дар
слова-эха в дневной пустыне —
слова-водицы в ночной пожар,
слова-птицы в предутренний иней.

Ты, как ангел указывал путь,
ты, как Бог дарил наказаньем,
если, былей ломая суть,
ложью плавилось строк сказанье.

Даже во тьме тебя метит свет...
Мне же, возвышенной до пепелища,
что ты можешь сказать в ответ? —
помолись о душе моей нищей...

Людмила Колодяжная

Странники мы, так задумал Господь

Странники мы, так задумал Господь,
по строкам торопимся снова —

к странице мысли тень приколоть
золотою булавкой слова.

Сталь иглы, или даль луча
равно осветит жилище,

лишь бы страница была горяча,
как Царство которое ищем.

Быль всегда превращается в боль,
хора превыше — соло,

пепел в ладони похож на соль,
сердце — звезды осколок.

В вечности — жизнью
оставленный хлам
станет хламидой мгновенно,

когда расставят по разным углам —
нас во вселенной....

Пространство, которого на свете нет...

А вечность – поле без границы

Я строчку вышущу из рук,
поймав ее – в конце скитанья.
Очерчен смело жизни круг –
смерть не имеет очертанья.

Об этом знаешь ты давно,
в туманность вечности поверя.
Влетаешь в жизнь через окно,
а покидаешь – через двери.

Последний шаг – не подстеречь,
в нем только ангелы виновны.
Жизнь – это вздох, как слово, речь,
а вечность – млечное безмолвье.

Жизнь – как движение руки
от края – к Раю, вдоль страницы
высоким берегом строки...
А вечность – поле без границы.

Жизнь – обжигающий туман
дней как в сне, ночей бессонных.
А вечность, может быть, обман –
глубин беззвездных и бездонных...

Людмила Колодяжная

Я слово выпущу из рук,
оно тебя найти сумеет.
Горит, как купол, жизни круг —
смерть очертанья — не имеет...

Пространство, которого на свете нет...

Провожая взглядом вечность

Если ангел твой летающий,
покружив, к душе причалит,
станет данью — тенью тающий
день, прошедший без печали.

Вспомнит ангел окрыленный,
что земля подобна тылу,
как страницу опаленную,
он заденет, даль бескрылую.

Прошумев, он отступает,
вновь задетый высотой,
и звездою проступает
той, что мечется мечтою.

И как будто укоряя
наступившее затишье,
станут звуки якорями,
если ты меня услышишь,

если ты вздохнешь устало,
провожая взглядом вечность,
ту, что стрелками упала,
заостря тихо свечи...

Людмила Колодяжная

Луч во тьме твоей ночи светит...

Если ты ставишь светильник если —
низко, в самую темную пору,
свет — хотя ничего не весит —
свет до меня твой дойдет не скоро.

Нет укора в желанной вести,
освобождающей жизнь от вздора,
если быть не дано нам вместе,
надо светильник нести на гору,

чтобы лучи с лучами скрестились,
если не могут встретиться руки...
Даже если навек простились,
луч твой — ключик в дверях разлуки.

Даже если навек расстались,
взгляд звезду — различит, отметит,
даже если голос растаял —
луч во тьме твоей ночи светит...

Пространство, которого на свете нет...

Душа не знает предела уступчивости

Душа не знает предела уступчивости,
птице — любая травинка сгодится,

свежа строка, как морщинка задумчивости
на сжатом поле твоей страницы.

Прохлада... И ладно, ведь лучше зноя,
зной — это где-то в чужой отчизне,

сквозь пелену души — неземное
ворвется, вплетется в прорехи жизни.

Станет тогда чело твое — светлым
от грусти моей, что тобой не узнана,

дым от листьев восходит где-то,
став в небесах не пропетой музыкой,

той, от которой прямится травинка,
той, что не знает предела, границы,

той, что рубцом поющей морщинки
плещется в кущах твоей страницы...

Людмила Колодяжная

Станет тогда чело мое — светлым,
все разорвется, что было — узами,

станет музыкой, льющейся где-то,
изранит грустью, тобою —
не узанной...

Людмила Колодяжная

**Снова перелёт совершишь
душой за грани**

Осень. Снова перелёт
совершишь душой за грани,
к неизвестному изданию
жизни, в новый переплёт,

где былой судьбы исход
остается неизменен,
где ложится на ступени
снежный времени налёт,

где восходишь на крутой
холм, одолевая робость,
будущих творений, чтобы
жизнь не стала пустотой,

где читаешь, как урок,
жизни уходящей очерк,
вспоминая детский почерк
в перебежке прежних строк,

чтобы кто-то перелёт
совершил душой за грани,
неизвестного издания
открывая переплёт...

Людмила Колодяжная

Содержание

Вступление	6
Прозрачность марта	8
Ведь тень мою — ты не прогонишь прочь... ..	9
Час молитвы	11
Неизвестному читателю	13
Жизнь, подсказанная Птицей	15
Взойдет строки живой побег	16
Как путь в холодном сентябре	17
Я к Рождеству улетаю в Южную Орегону	19
Переключке нет конца	20
Еще мы не теряем к жизни вкус	21
Зима в Орегоне	23
Расставанье	24
Здесь моя Америка	25
LIQUID SUNSHINE	27
Какие прекрасные лица	28
И эти шумящие сосны	30
Но я — страница, мне уже не больно	31
А твоя калиточка	32
И предвечный свет над свечным огрызком	33
Непрошено в комнату входит весна	35
Непрошено в комнату входит весна	36
Талых троп лабиринт	37
Пред иконой святого Александра Невского	38
В великой тишине — Великий пост	39
Воду Превращающий в вино	40
К Благовещению	41

Пространство, которого на свете нет...

Мы в Рай идем всегда по одному	42
Из жизни русских писателей в Париже	44
Ленивое пенье шин в отдаленье	46
К Страстной неделе	47
Нас песнь Давидова влекла	49
Любая ткань натянута непрочно	51
Душа моя — Твой лепесток	53
Там Царь и Суламифь	54
Идем мы — на Вечный зов	55
Молитвою к Тебе — оправдан этот день	56
«Пусть цвет небес вберет река, что жизнью на земле зовется»	57
Давно потерян посошок	59
Тобою созданный оазис	60
Беги строка туда... ..	62
Об этом пишутся тома	63
Короб лучевой	65
Окружи молитвой-тишиною	67
Был — край земли, иль жизни край	69
Хорошо, что тропа — коротка	70
Не единым живы хлебом	71
Коломенское	72
Скоро будет «Петр и Павел»	74
Гибельное благо	75
Первая Книга Царств	77
Заблудившийся трамвай	79
Любовь не входит в биографию	80
Август	81
Кипарисовый ларец	82
К Успению Богородицы	83

Людмила Колодяжная

Под сенью плачущего небосвода	85
За стенами чужой избы старинной	86
Одиночество — это... ..	87
За горизонт зайдя, никто не обернется	89
Слетевший лист	91
В час ночной, когда возлетают души	92
Качалась первая строка	93
О, не срывайте абажура	94
Старинный снится мне портрет	95
Ноябрь	96
В невидимых линиях плена	97
Зимних дней кремнист островок	99
Зимних дней кремнист островок	100
Мы странники — оттуда	101
И дрожала хвоя... ..	103
Поэт уходит из мира во сне	105
«Господь-даждь-днесь-насушнейшего-хлеба...»	106
Луча холодная соломка	108
Ночного воздуха изнанка	109
Там — каждому дано по вере	110
Мы дважды в жизни стать хотим святыми... ..	112
«ЧТО ОСТАЕТСЯ ПОСЛЕ ЖИЗНИ...»	116
Иов	117
Ангел Товия	120
Встреча	122
«А где-то древо уже возрастает...»	124
Позови	126
Если ты много страдал перед смертью	128
У каждой звезды есть такое Имя	130
Ковчег	132

Пространство, которого на свете нет...

Читать единственную Библию	133
К Благовещению	134
На Страстной	136
Мы учимся — только любви	138
Путь кремнистый	139
Давид перед ковчегом	141
Где стоишь с молитвой — ты... ..	143
Жизнь — очерчена вчерне	145
Во дни Поста	147
Лесенка для Ангела	149
Томик Пятикнижья	151
«ПОЭТ РИСУЕТ СЛОВО»	154
Ладони	156
1. «Весь этот мир как на ладони...»	156
2. «Ладонью пересеку...»	158
3. «Когда сведу ладонь с ладонью...»	159
Реквием	160
Твой Дом	162
Лето Господне	163
«С ключей скрипичных слепки сняты...»	165
Лотова жена	167
Годовщина	169
Сольвейг	170
«Где кружит Птица-Русь...»	172
«Когда-нибудь, когда уронишь...»	174
Я возьму кусочек прозы жизни нашей	176
«Ты новый в сердце запиши пароль»	178
Поэтам, жизнь мою — сложившим	179
В дни, когда нам читают Апостол	180
Мелхола	181
«Отвага твоя — лишь Ангела услуга»	182

Людмила Колодяжная

«Над тем стихом, что был зазубрен тобой когда-то наизусть...»	184
Ветошь брошенного плёда	186
Памяти Александра Солженицына	188
«Разреши мне снова прислониться...»	190
«НО ОБРЕТАЕТСЯ ЦАРСТВО»	194
Песня для Катюши	195
Маленький Принц	197
Принцесса на горошине	198
Русалочка	199
Эта сказка — про Дюймовочку	200
Сандрильона	202
«ОБЛАКО УСТУПИТ ВЫСОТУ»	206
Надо снова превысить себя	207
Станет душа звездой	209
«Тише», — сказал я душе... ..	211
Все — в душе	213
Бессмертье — только шанс	215
Вдыхая вечность, словно обещанье	216
«На этот свет зачем ты пришел?»	217
Освобождая — вечность... ..	218
Помолись о душе моей нищей	219
Странники мы, так задумал Господь	220
А вечность — поле без границы	221
Провожая взглядом вечность	223
Луч во тьме твоей ночи светит... ..	224
Душа не знает предела уступчивости	225
В час, когда возлетают души (К Преображению)	227
Снова перелёт совершишь душой за грани	228
Бессмертье — другое название жизни	229

Калодяжная Людмила Ивановна

**ПРОСТРАНСТВО,
КОТОРОГО НЯ СВЕЛТЕ НЕБЛ..**

Книга издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *Вадим Калинин*
E-mail: verstkapro@bk.ru

Иллюстрации Евгения Кудрявцева, члена
Международной федерации художников и
графиков при ЮНЕСКО

Подписано к печати 20.03.2010
Гарнитура BalticaС
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,75.
Заказ № 37
Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Литера М»
390035, г. Рязань, ул. Гоголя, д. 16, оф. 204, т.(4912) 93-70-38
e-mail: LiteraM@mail.ru